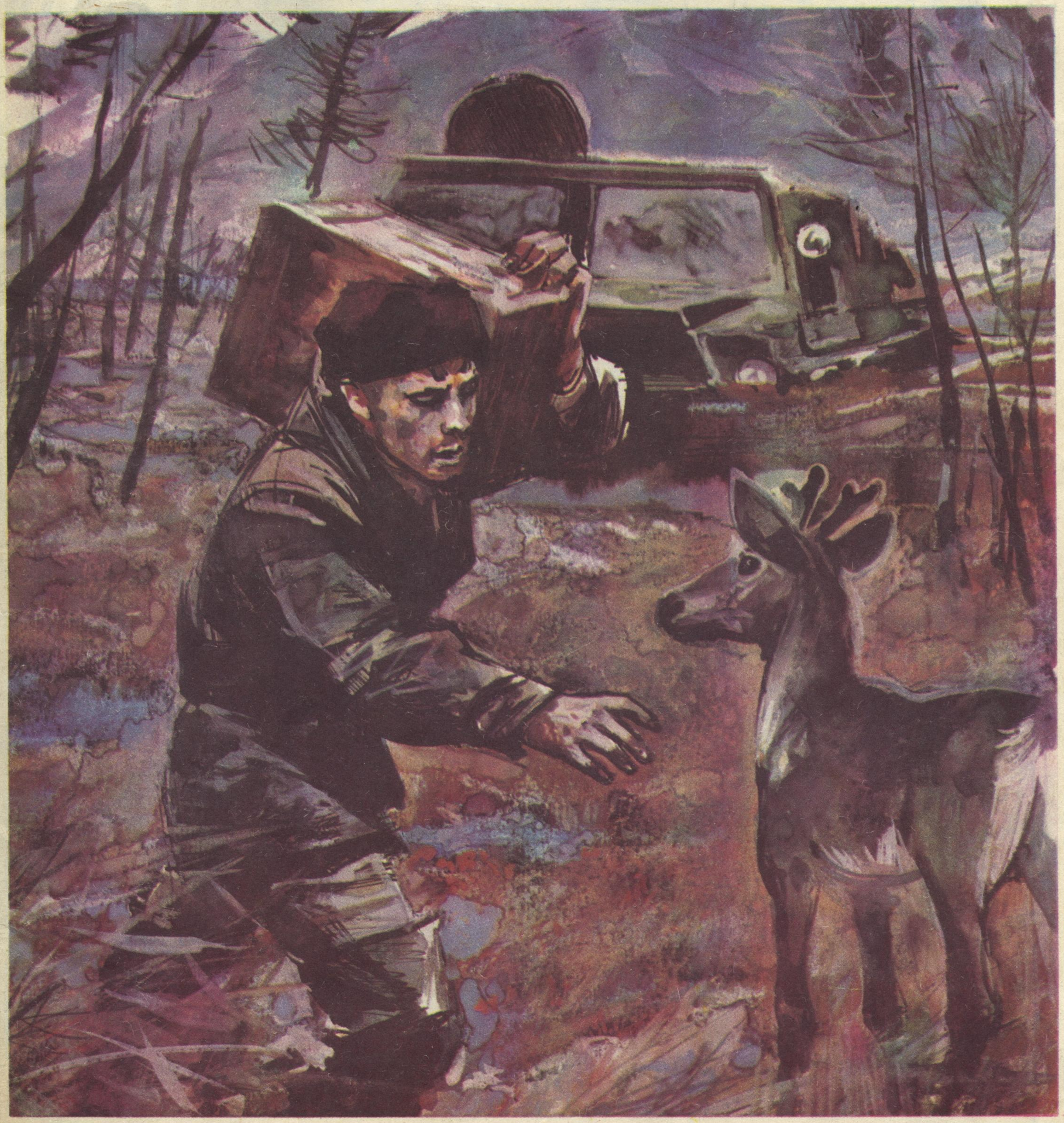
КОСТЁР

3
МАРТ 1982

КОСТЁР

3
МАРТ

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

©«Костер», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Барабан 4

Врагу не сдается
историческая повесть
Л. Богачука 8

Навеки вместе
к 60-летию СССР 16

Стихи поэтов Советской Литвы 18

Знакомься: твой ровесник! 19

Пуговицы
рассказ Е. Матвеевой 20

Стихи твоих ровесников 23

Откуда азбука пошла есть
очерк Е. Перехвальской 24

Нефть и газ пятилетки 26

Мой друг Бобби
главы из повести
Гиты Банерджи 27

Строки из летописи Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина 30

«Ответственных редакторов не требуется...»
главы из повести
А. Зверинцева 31

Морская газета 38

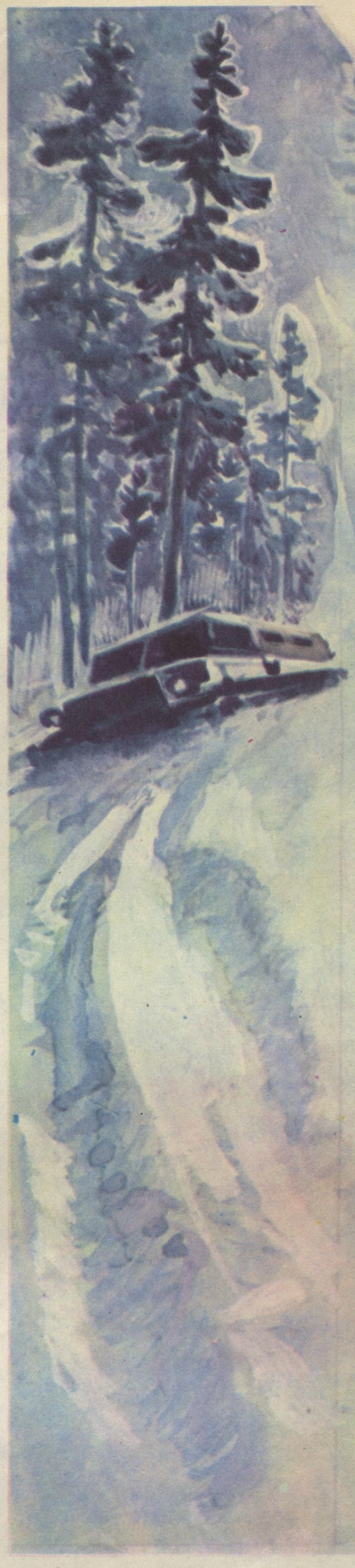
Они пишут для вас 40

Спортклуб «Кузнечик» 42

Веселый звонок 44

Школа будущих командиров 46

На обложке
рисунок О. Пономаренко
к очерку
«Вездеходчик Семен Бобров»

Навстречу XIX съезду ВЛКСМ

Вездеходчик

НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Бобров вывел вездеход из речки на каменистый берег, продавив мокрый снег до камней, открыл дверцу и стал на гусеницу, отполированную снежной кашей до серебряного сияния.

Позади над ним нависали малиновые зубцы Кодарского хребта.

Легко, будто не касаясь розового снега ногами, к Боброву подбежал олень с первыми, вилочкой, бархатистыми рожками.

Однажды мимо их экспедиции проходили эвенки со стадом. От стада отстал маленький олененок. Бобров подобрал его и выкормил хлебом. Теперь олень бегал всюду за машиной Боброва.

— Ягель ищи, Олешка, — велел ему Бобров.

Олень пробил копытом мокрый наст, дунул в лунку, чтобы разлетелся снег, понюхал красноватый камень и вернулся к человеку.

— Откуда на камнях быть ягелю? — с укоризной спросил себя Бобров, достал рюкзачок с едой, отрезал от буханки кусок хлеба. Шершавым языком олень подобрал с ладони хлеб.

Семён Бобров

НА БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Подставив весеннему солнцу заросшее золотистой щетиной лицо, Бобров блаженно щурился:

— После такого похода, что нам полагается, Олешка? — спросил Бобров и вздохнул. — Целый год за мной бегаешь, а понять не можешь — полагается банька с парком и веничком! И здоровый сон. Трое суток. Эх ты, рогатая голова!

Сквозь музыку в приемнике послышался чей-то голос. Бобров покрутил ручку настройки.

— Говорит десант Маковца, — услышал он надрывный голос. — Докладываю обстановку. 240 кубических метров соснового бруса уже заготовили, сложили в штабеля. Сегодня в тайгу на валку выходят пятеро. Тринадцать ослабли. Продукты кончились пять дней назад. Наш сарайчик на сваях подмыло, патроны утонули. Фомин нырял за патронами и простыл. Аптечка тоже утонула. Три человека ослабли от голода и не встают. Когда привезете продукты?

— Девятнадцать здоровых мужиков валяются, жуют хвою, не могут себя прокормить, — сказал Бобров оленю. И пригнулся к приемнику, чтобы разобрать далекий ответный голос.

Тот, кто отвечал за снабжение десанта, оправдывался.

— Рассчитывали завозить продукты на сопку Горбатую вездеходом. Неделю назад послали. Сегодня ночью водитель вернулся. Не справился с весенней водой, утопил вездеход в Черной мари.

Но несговорчивый Маковец совершенно надрывался от злости:

— Если сами завезли, сами и обеспечивайте продуктами. Говорить с вами никто не хочет, сейчас я и рацию разобью!

В эфире раздался писк, затем скрежет, и все стихло.

Бобров развернул на коленях карту. Вот Черная марь, вот сопка Горбатая. Только безумец мог полезть весной в это непроходимое болото.

Самостоятельно свернуть с маршрута Бобров не имел права.

Но он представил, как лежит там парень, который искупался в ледяной воде. У парня жар, бредит.

Представил, как лежат без движения пилы, стоят механизмы, которые с таким трудом забросили на сопку. И в

поселке остановилось строительство, из-за того, что не хватает бруса.

Он осмотрел свои запасы. Продуктов не ахти. Но имелась аптечка с димедролом, аспирином и баночкой меда.

Бобров сунул остатки хлеба в рюкзак и обошел вокруг вездехода: стальная кабина треснула, переднее стекло разбито, пальцы на трактах гусениц изжеваны. Конечно, после маршрута по скалам надо бы в ремонт...

Он отвернулся от проторенной им колеи, ведущей в поселок, и посмотрел вниз.

Горный поток набирал на склоне силу и, ворочая валуны, с ревом скатывался вниз, врезался в ледяное поле — искристую прохладную наледь с бесконечными ручейками на поверхности. Он расчленял толщу льда на отдельные, словно сахарные, глыбы высотой с двух- трехэтажный дом. Между ними висели ледяные мосты. Где еще мощные, где уже источенные водой.

Дорога была рискованной. Но по берегу, в обход, совершенно не пройти — каменные зубья торчали, словно надолбы.

— За мной по ручью не ходи, — сердито крикнул оленю Бобров. — Утонешь! Берегом иди, по льду.

Закрывая дверцу, Бобров успел заметить, как олень отпрянул от потока.

Вездеход нырнул под радугу, в водяную пыль, тут же напоролся на валун, со скрежетом отлетел в сторону и понесся в пене и брызгах, как катер.

Сахарные берега враз стали высокими. В глубине ледяного поля было сумрачно, вода гудела с утробным клекотом. Вездеход нырнул под ледяной мост, с лязгом ударил в одну, в другую стену, помчался, как в трубе.

Через несколько километров ледяные берега стали ниже, и Бобров выехал из потока в лиственничный лесок.

Олень был уже тут, бока его тяжело вздымались. Он положил голову на гусеницу и свесил язык на бок.

За лесочком начиналась Черная марь — непроходимое весной болото.

Где-то здесь тянулся зимник, по которому прошел десант к сопке Горбатой.

Олень поднял голову, поймал носом струю воздуха и направился по ней. Удивленный Бобров двинулся следом. Они прошли по краю наледи, где старые лиственницы выходили прямо изо льда, повернули на марь и там, среди чахлых, черных елочек и березок Бобров увидел недавний след вездехода.

Они пошли по следу в месиве из травы, торфа и снежной каши. Вот и сама машина — темное пятно в коричневой жиже. Талая вода уже подобралась к люку на крыше кабины и тоненькой струйкой потекла внутрь. В кабине валялась меховая рукавица, потерянная при поспешном бегстве. В картонных коробках разбухали от воды макароны.

Бобров вспорол ножом брезентовый верх кузова и увидел ящики с консервами. Отыскал в кабине проволоку, подцепил один ящик и вытащил наружу. Взвалив ящик на спину, пошел с ним по мари. На глубоком месте можно пройти только по кочкам, пожухлые головы которых торчат из воды. Ступил на одну, другую... Длинная, больше метра, кочка изогнулась, Бобров пошатнулся, и тяжелый ящик потащил его вбок. Он ухватился за единственную ветку тоненькой, как нитка, березки. Ветка с сухим треском обломилась, и, упав в коричневую воду, Бобров провалился прямо по грудь, и жижа стала засасывать его, ящик тащил вниз. Пришлось откинуть голову назад, чтобы вода не затекала в рот.

— Олешка, сюда!.. Хлеба... — захрипел он.

Олень послушно подошел, остановился рядом, ожидая хлеб. Глаза у него были огромные, влажные, и в них Бобров увидел вечную, непонятную человеку печаль.

Разыскивая хлеб, олень опустил голову. Бобров тотчас выпростал из воды руку и ухватился за теплые, будто покрытые бархатом, рожки.

Олень не ожидал такого коварства, стремясь освободиться, он испуганно потряс головой. Но Бобров держал крепко.

Ноги оленя тоже стали погружаться в воду, но широкие

раздвоенные копыта упирались в травянистую жижу и не давали ему утонуть. Испуганно перебирая копытами, олень стал пятиться.

Бобров заработал изо всех сил ногами, изогнулся, и наконец проклятый ящик сорвался с его спины и, царапнув по ногам, ушел в глубину, откуда выпустил пузырьки воздуха.

Шаг за шагом Бобров начал продвигаться к спасительной березке. Наконец сильно оперся на рога, так что голова оленя совсем скрылась под водой, рванулся, одной рукой ухватился за ствол березки, подтянулся, вылез на спасительную кочку.

Обезумевший от испуга, олень потряс головой, выливая воду из ушей, закинул рожки на спину и, делая огромные скачки, скрылся среди деревьев.

Бобров добежал до вездехода, переоделся в старый комбинезон, выпил из термоса горячего чаю.

Стал звать оленя, тот не возвращался.

Из брезента затонувшего вездехода и срубленных веток он сделал сани. Погрузил на них ящики с консервами, расплывшиеся макароны. К саням привязал длинную веревку, зацепил ее крюком от лебедки и вскоре, без особых усилий доставил груз на борт своей машины.

Потом достал пилу, топор.

Нашел удобный сход с ледника. Выкорчевал мешавшие ему толстые лиственницы. На всякий случай зацепил тросом и потащил за собой.

Кочки торчали из воды, как лохматые лешие, а когда машина приближалась, вздрагивали и скрывались под воду — вездеход продавливал и топил их.

Вечером зажег фары и хотел заснуть на несколько часов. Но трясина, выпуская тошнотворные, противно булькающие пузыри, тут же начала засасывать машину.

Пришлось двинуться дальше.

Наконец под утро последний рывок, от которого сотряслась, пошла волнами трясина, вездеход с воем прорвался через осоку, вскарабкался на сопку.

Бобров протер снегом слипающиеся глаза и увидел неподалеку неумело срубленный дом, рухнувший в ручей сарайчик.

Похудевшие, с ввалившимися щеками парни сбежались к нему.

Тот, что был впереди, туго затянутый офицерским ремнем, хмуро спросил:

— Где тебя черти носили?.. Продукты привез?

Бобров кинул ему свой рюкзак. Полбуханки хлеба и пяток банок консервов.

Тот прикинул рюкзачишко на вес и стал совсем угрюмым:

— И все?

— После голодухи много — вредно...

— Поговори... Поговори... — парни в расстегнутых полушубках подступили к нему.

— Про больного совсем забыли, — продолжал Бобров. — Нет, чтобы сварить ему отвара из хвои. — Достал из кабины аптечку и протянул им. Лица парней потемнели от злости.— Услышал по рации вашу истерику и завернул посмотреть... Сколько вас здесь? Девятнадцать человек — и прокормиться не можете?

— Я у всех ремни отобрал, — сказал повар, — а то — что варить?

— А вода рядом, рыба...

— Так у нас и крючка-то нет!

— А вилка на что?

Бобров отошел от костра на двадцать шагов, сорвал пучок травы. Повар рассмотрел травинки, потер в пальцах, понюхал:

— Чесноком отдает.

— Правильно, — похвалил Бобров. — Это черемша. Из ее листьев делают салат, пекут пирожки, пельмени...

Парни удивленно смотрели на траву, пробившуюся из земли у самых ног.

Около крыльца на щепках, рядом с пеньком, на котором кололи дрова, Бобров увидел помятую портативную рацию, отколупнул крышку, пошевелил пальцем проводки, отнес в кабину вездехода. Может, удастся починить.

С обедом справились быстро. За сопкой взвизгнула бензопила, раздался хруст падающего дерева. За первой завыла вторая, третья...

Но и сквозь этот шум Бобров уловил шелест осоки. Насторожив уши и разыскивая глазами вездеход, из болота выходил молодой олень.

Бобров забрался в вездеход, запустил двигатель, приоткрыл дверцу, сказал повару:

— Бывай.

— Ты что и не побудешь? — растерянно спросил тот.

— Собирался, да раздумал.

Вездеход, вышвыривая из-под гусениц камни, с ревом помчался с горы и скрылся в густой болотной осоке.

Следом за вездеходом трусил олень.

Герман БАЛУЕВ,
Александр ГОСТОМЫСЛОВ
Рисунки О. Пономаренко,
Д. Титова

БАРАБАН

№ 3

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, СТИХИ, РИСУНКИ

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

8 МАРТА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ ❋ 25-30 НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Сегодня «Барабан» открывает Клуб интернациональной дружбы.

Что будет делать наш КИД? Рассказывать о твоих зарубежных ровесниках. Печатать их стихи, рассказы, рисунки и любимые песни. Проводить пресс-конференции, конкурсы и викторины.

Придумайте название и девиз нашего клуба и нарисуйте его эмблему.

Ваши ответы «Барабан» ждет до 1 сентября 1982 года.

Весенние стихи

Еще снега безбрежны
И вьюги слышен смех,
Как вдруг вздохнул подснежник
И потянулся вверх.
Всего-то два листочка,
А три еще в уме...
Но можно ставить точку
В рассказе о зиме.

Наташа Солдатенко,
5 класс,
школа № 508,
Ленинград

На ветках в каждой почке
Проклюнулись листочки.
Им дома не сидится —
Им надо веселиться.

Света Никитина,
деревня Бролино
Калининской области

Вот какая мама

Однажды я пришел к ней на работу. Там я увидел на Доске почета ее фотографию. Сначала я очень обрадовался. А потом мне стало перед ней стыдно. С тех пор я сам хожу в магазин, сам мою посуду и никогда не отказываюсь погулять с маленькой сестренкой.

Костя Соколинский,
6 класс, школа № 21,
Новороссийск

Моя бабушка — охотник

Мою бабушку зовут Мария Спиридоновна. Она живет за рекой Чара в селе Чапо-Олого. Бабушка уже старенькая, ей 80 лет. И в каникулы я ее всегда навещаю.

Летом она косит сено, а зимой ходит на охоту. Встанет на лыжи, крикнет: «Кытра! Кытра!» — так зовут ее собаку — и идет в тайгу. Как увидит нору, сетки кругом расставит и дым в нору пускает. Соболь выскочит — в сетке запутается. А когда соболя нет, капкан поставит и дальше идет. Она стреляет белок и куропаток, и даже сохатого или изюбря.

Но большого зверя взять трудно. Он и раненый может долго бежать от охотника.

Бабушка говорит: «Я еще не старая, если сохатого могу догнать. Я еще молодчик. А вот Кытра — старая, зверя плохо чует».

Гриша Курбалтунов,
поселок Чара
Читинской области

Рисунок ***В. Жукова,*** *7 класс, Ленинград*

НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Пятилетка трудовых пионерских дел

Вести из пионерских штабов, дружин и отрядов

Наша станция юных натуралистов занимается селекцией хлопчатника. Новые сорта, полученные пионерами, уже испытываются на полях колхозов и совхозов области.

Городской пионерский штаб,
Бухара
Узбекской ССР

К 60-летию со дня рождения Пионерии мы решили собрать 4 тонны лома на трактор «Беларусь».

Свое задание выполнили досрочно!

Совет отряда 7 класса,
школа № 1,
поселок Усть-Ордынский
Иркутской области

Юные умельцы школы № 72 изготовили для подшефного детского сада 50 деревянных лопаток и 50 игрушек. А дружина школы № 111 провела пионерский воскресник в депо станции Пермь-Сортировочная. Расчищено 200 метров. путей.

Пионерский штаб
Дзержинского района, Пермь

2 тонны макулатуры, 10 тонн металлолома, 500 килограмм лекарственного сырья — наш вклад в Пятилетку трудовых пионерских дел.

Совет дружины
Луговской средней школы
Омской области

ЗАПОМНИ ЭТИ ЦИФРЫ

По решению XXVI съезда Коммунистической партии в XI пятилетке среднегодовое производство мяса возрастет до 17—17,5 млн. тонн, молока до 97—99 млн. тонн, яиц до 72 млрд. штук.

Полевая почта следопытов

У нас в поселке все знают Галину Алексеевну Демьянову. Знают, как она хорошо работала до пенсии, но никто никогда не слышал ее воспоминаний о Великой Отечественной войне. Галина Алексеевна очень скромная и застенчивая. Встречаясь со следопытами, старается отмолчаться или переводит разговор на другую тему.

Единственное, что нам удалось сделать — снять копию с ее военного удостоверения. Это удостоверение она получила во Франции во время войны, когда сражалась с фашистами в рядах Движения Сопротивления.

Оля Науменко,
5 класс,
Толмачевская средняя школа
Ленинградской области

САМОЕ • САМОЕ • САМОЕ

«Самое-самое-самое» — это рубрика трудных вопросов и ответов. Это — когда ты не знаешь, как поступить, как ответить, как сделать лучше.

Самый лучший Рыжий!

Это был большой добродушный пес с умными, все понимающими глазами. И мы с ним, конечно, подружились. А потом наступили летние каникулы. Мы уехали в пионерский лагерь, а Рыжий остался. И все были уверены, что больше его не увидим: или он найдет своих хозяев, или они найдут его сами.

Но произошло непредвиденное. Через три месяца, когда вернулись из лагеря, во дворе нас встречала знакомая рыжая собака. Подумать только — мы о нем уже забыли, а он ждал. Ждал целых три месяца!

Так мы снова стали вместе. Каждое утро он провожал нас в школу, а потом встречал после уроков. И не было случая, чтобы забыл кого-нибудь встретить. Но больше всего Рыжий любил играть с малышами. Он катал их на себе, бегал вперегонки по двору и даже ходил с ними в баню. Доведет до самых дверей и ждет, когда выйдут. Представляете, какая умница! Сколько с ним было радости и веселья!

А теперь Рыжего у нас нет. И все, что случилось, — подло, жестоко и несправедливо! Однажды какой-то тип начал приставать к нашим девочкам. Одна девочка заплакала. Но тут появился Рыжий и схватил обидчика за руку. А на следующий день в школу пришли родители этого типа и начали возмущаться: «Безобразие! У детдомовцев собака, которая всех кусает! Пора с этим кончать!» Это была неправда! Рыжий никого не кусал. И потому, что это была неправда, мы не поверили в их угрозы. А еще через несколько дней приехала машина с клеткой, из нее вышли какие-то люди и окружили Рыжего. А мы были в школе и ничем не могли ему помочь.

Вечером в детдоме было непривычно тихо. Никто не бегал по коридорам, не включал радио и телевизор. Сидели по комнатам и молчали. А Нина Вячеславовна — наш директор — ходила и упрашивала: «Ребята, делайте, как считаете нужным, только не молчите. Пожалуйста, не молчите».

Ира Ульмейкина,
Ленинград

Моя Родина — СССР

В нашей степи красиво во все времена года. И особенно красиво весной, когда небо над ней — высокое, чистое, солнце — ласковое, и нет нашей степи ни конца и ни края.

Но самое удивительное весной не это. Снег тает в степи сперва медленно, нехотя, а потом все быстрей и быстрей. И сразу же, как только обнажается земля, появляются зеленые дружные ростки. Только это — не травка, нет. Это — озимь, посеянная осенью пшеница, которая теперь всходит.

И вот — смотришь на нее и волнуешься. И, наверное, к этому нельзя привыкнуть. Я думаю, что рождение хлеба — одно из чудес света.

Вика Соколова,
ст. Мальчевская
Ростовской области

Поселок, в котором я живу, называется Сбега. Раньше я не знала, почему такое необычное название. Но все оказалось просто. Рядом с поселком сливаются три реки — Черная, Белый Урюм и Моргурушка. И все они сбегаются с разных сторон. И поэтому родилось слово Сбега. А дальше бежит уже только одна — Черная.

Лена Евстигнеева,
поселок Сбега
Читинской области

О моём друге

Его зовут Сергей Бабков. Два года назад он спас мне жизнь. Мы тогда с ним купались в речке. Я зашел в воду и вдруг провалился в яму. А плавать я не умел. А Сергей в это время был на берегу, уже одетый. Видит, что меня нет, и — бросился на помощь. Когда он меня вытащил, я уже терял сознание и не мог даже говорить.

В классе мы всегда сидели за одной партой. Но недавно нас пересадили. Конечно, друзья могут сидеть и на разных партах. Но лучше бы нас не пересаживали...

Я посылаю вам фотографию моего друга.

Сережа Мелещенко,
4 класс
Южной средней школы
Куйбышевской области

Вокруг Большого барабана

Давайте думать вместе!

Сегодня — Вокруг Большого Барабана — активисты ряда ленинградских школ. Вопросы, которые они предлагают обсудить, думается, заинтересуют многих. Ведь очень скоро в дружинах и отрядах начнутся отчетно-выборные сборы.

Антон Пантелеев, 303-я школа:

«Помню, как в начале учебного года составляли план работы отряда. Все кричали, предлагали сделать то и это. А когда до дела дошло, никого не допросишься. В отряде — сорок человек, а на районные соревнования «Старты надежд» идти некому, газету выпускать — тоже некому. Все говорят: «Некогда».

Марианна Трофимова, 491-я школа:

«Нет, дело не в занятости, а в нежелании. Но я хочу сказать вот о чем. Большинство активистов и в кружках занимается, и по дому помогают, и за всех остальную работу в отряде тянут. А эти «остальные» — самые настоящие лодыри».

Алеша Гвоздев, 140-я школа:

«Я — звеньевой. Мне кажется, что ничего особенного я не сумел сделать. Наверное, я просто не умею «зажечь» ребят на хорошие дела. Есть же такие люди — незажигательные?»

Дима Глущенков, 299-я школа:

«Хорошо помню день, когда мы выбирали совет отряда. И вдруг кто-то из ребят назвал мою фамилию. Сначала я страшно удивился, а потом обрадовался. Ребята вставали и один за другим говорили, что я настойчивый, собранный, начитанный. Вспоминали даже о таких случаях, о которых я и сам уже забыл. Потом стали голосовать. И за меня голосовали все до одного! И я подумал: в лепешку разобьюсь, но сделаю наш отряд лучшим в дружине. И что получилось? Некоторые говорят: «Тебя выбрали — ты и работай!» Обидно, когда так говорят».

Наташа Туманова, школа № 5 Всеволожского района:

«Главное — правильно распределить пионерские поручения. У нас это было так. Один говорит: «Я заметил, что Таня любит возиться с малышами. Давайте пошлем ее вожатой к октябрятам». Другой говорит: «А Витька каждое утро зарядку делает. Он и хоккейную команду организовал. Вот вам и физорг...»

Короче, давая человеку поручение, мы не должны забывать о его личных качествах. Ведь это же здорово, если каждый душой болеет за порученное дело».

Весёлая почта

Мушкетёры

Мушкетеры! Мушкетеры!
Один за всех, и все — за одного!
Мушкетеры! Мушкетеры!
Не боятся никого!
— Тяжелы ли ваши шпаги?
— Их ребятам не поднять!
— А хватает ли отваги?
— Нам ее не занимать!

Слава Бирюлин,
2 класс,
школа № 256,
Ленинград

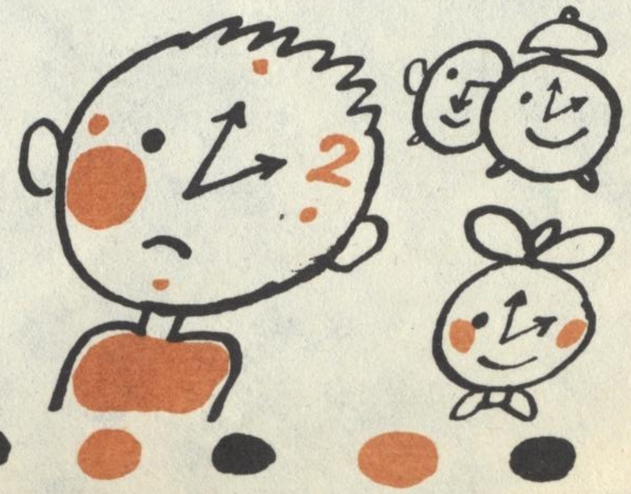
Барабашки

Плохой ученик обиделся: «Я не отстающий. Я — передовик: самый первый по алфавиту».

Записал
Сережа Венедиктов,
Ленинград

Учитель:
— Коля, просклоняй существительное «часы».
Коля:
— Я — часы, ты — часы, он — часы, она — часы, мы — часы, вы — часы, они — часы...

Прислала
Тамара Мишина,
город Остер
Черниговской области

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ

Л. БОГАЧУК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Шевченко

ВЫПИСКА ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА:
«Вторник 27 января 1904 года. На якоре на рейде Чемульпо до полуночи.

11 ч. 10 м. Все наверх, с якоря сниматься.

11 ч. 20 м. Крейсер снят с якоря и направлен мимо английского и итальянского крейсеров к выходу с рейда, имея лодку «Кореец» в кильватере на расстоянии одного кабельтова. На английском и итальянском крейсерах команда и караулы наверху провожали криками «Ура!» На итальянском крейсере играли наш гимн.

11 ч. 25 м. Пробили боевую тревогу. Японская эскадра в числе шести крейсеров и восьми миноносцев была расположена у острова Иодольми, прикрывая оба выхо́да в море. Миноносцы держались за крейсерами...»

Крейсер «Нанива» под адмиральским вымпелом шел четвертым в строю.

Адмирал Уриу безотлучно находился на мостике. Он увидел, как с рейда Чемульпо показался «Варяг», а за ним и канонерская лодка. Послышались быстрые шаги. По трапу поднялся капитан второго ранга Наита.

— Я вызвал вас, — сказал Уриу, — чтобы вы помогли мне в процедуре принятия капитуляции русского крейсера. Все формальности должны быть соблюдены строжайшим образом. Мы покажем всему миру, что неуклонно чтим рыцарские законы почетной сдачи в плен. С первого же дня войны эти русские поймут, что имеют дело с людьми этикета, знающими, что такое честь офицера. А ведь вы — знаток дипломатических тонкостей, не так ли?

Наита с улыбкой поклонился.

— Как вы думаете, — продолжил адмирал, — когда же можно ожидать спуска флага? После пристрелочных выстрелов или чуть позже?

— Европейцы вообще умеют проигрывать... — замялся Наита, — но эти русские... Руднев — храбрый офицер!

— Тем более сдача корабля не должна стать унизительной для него! Впрочем, спустить флаг перед столь мощной эскадрой — и благоразумно, и почетно. Но если крейсер не сдадут?

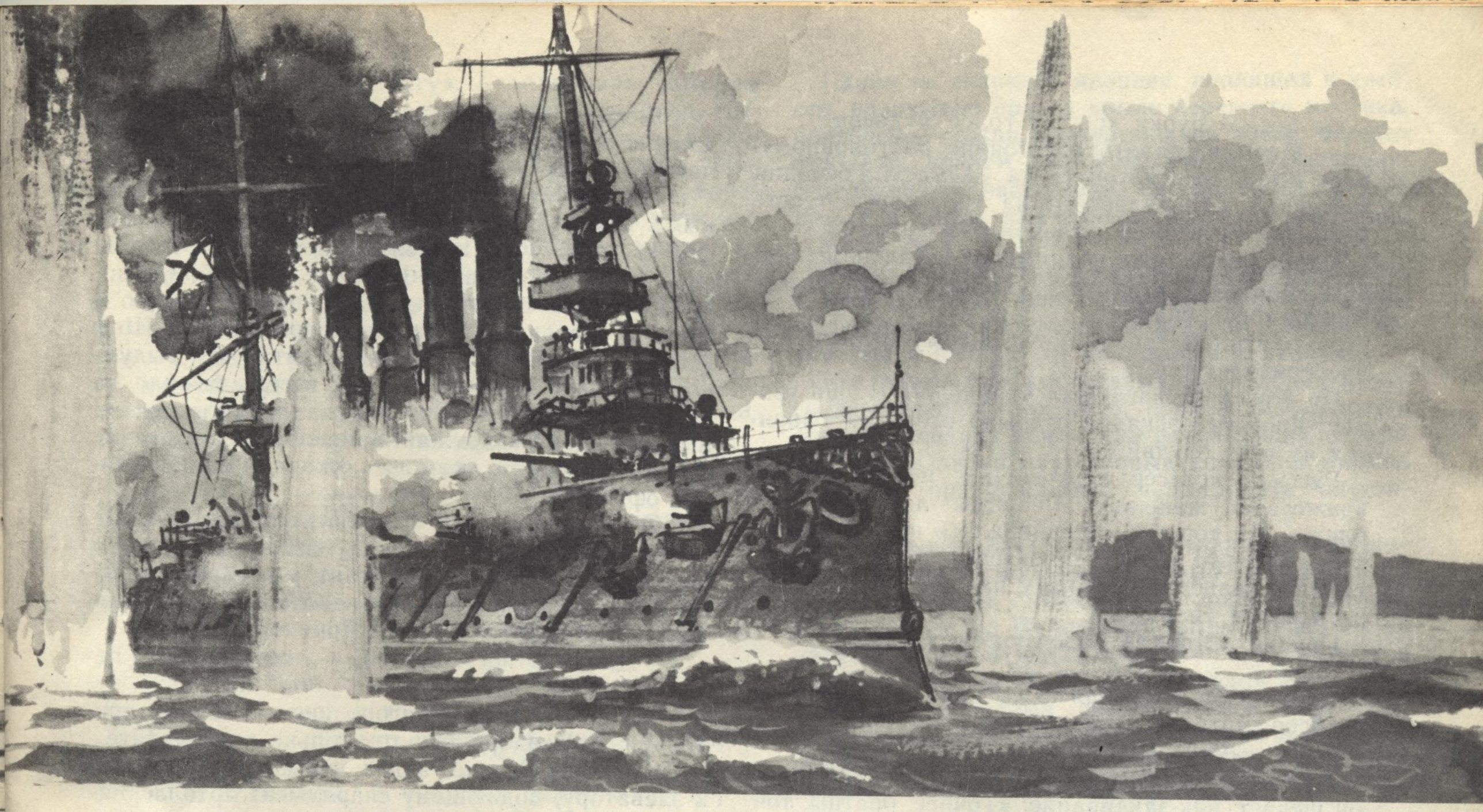
— Тогда мы увидим прекрасный спектакль. Русские как-то показывали мне травлю медведя, который был прикован цепью. Собаки разорвали его в полчаса! Здесь тоже есть цепь — узкий фарватер...

— Может быть, вы вспомните заодно, сколько собак осталось лежать с переломанным позвоночником? — холодно поинтересовался адмирал. — Я тоже охотился на медведя...

Адмирал поднял к глазам бинокль.

— Молите бога, господин капитан, чтобы русские сдались, — пробормотал он, — иначе мы утопим их корабли в десять минут...

Окончание. См. «Костер» №№ 1—2, 1982 г.

Уриу обернулся, увидел недоумение в глазах Наиты: почему он, кадровый военный, моряк, разведчик и дипломат, должен молиться за какой-то русский крейсер? Да чем больше их потопят, тем лучше!

— Вы еще не знаете, капитан, — с улыбкой заметил он, — в случае захвата крейсера командовать им будете вы! Только взгляните: красавец! И кочегары у них просто великолепные: над трубами ни дымка! Такой корабль в открытом море, да еще в сумерках обнаружишь, только когда он приставит орудия прямо к твоему виску. Очень опасен!

Наита почтительно осклабился. Командовать крейсером в его годы? Совсем неплохо!..

— Однако идут довольно уверенно... — пробормотал Уриу, не отрываясь от бинокля. — Прикажите дать первый залп.

На адмиральском корабле взвился сигнал — и тут же ударили орудия крейсера «Асама», идущего головным.

— Что же они медлят, эти русские? — адмирал начинал чувствовать некоторую растерянность. — Ага, вот кажется... Что это?

Наита и без бинокля увидел, что на стеньге «Варяга» поднимался боевой красный флаг.

— Огонь открыть всем кораблям эскадры. — Казалось, адмирал потерял всякий интерес к бою. Он даже отошел в глубину рубки к штурманскому столику. — Через пять минут от них останется решето... Сумасшедшие!

Беренс стоял на верхнем мостике, откуда был виден весь крейсер. Стройное, стремительное тело корабля легко вспарывало форштевнем волну. «Варяг» чуть дрожал на ходу, сдерживая еще нерастраченную мощь своих стальных мускулов. Механики-матросы и офицеры работали ночь напролет, ремонтируя подшипник. Теперь очень недолго крейсер мог двигаться полным ходом.

Минувшая ночь преобразила не только корабль. Еще несколько дней назад штурмана буквально приводил в отчаяние своей непонятливостью флегматичный и медлительный сигнальщик Гаврила Миронов, раздражала показная угодливость писаря Оськина, злила замкнутость подшкипера Шкертника. Сегодня в штурманской рубке, где все эти люди находились по боевому расписанию, Беренс вдруг обнаружил, что они ловки и подтянуты, спокойно и сноровисто делают свою работу.

Эту перемену в команде лейтенант заметил еще утром, когда Руднев объявил перед строем о решении принять бой!..

— Руль влево пять! — доносилось из рубки.

Беренс поднял к глазам бинокль. Мощная оптика приблизила серые борта броненосных крейсеров японской эскадры, жерла орудий, направленные в сторону «Варяга». Носовая башня «Асамы», идущего головным, блеснула багровой вспышкой — выстрел! У Евгения сжалось сердце: «Показалось? Почему же нет разрыва? Почему не слышно самого выстрела?»

Послышался спокойный доклад сигнальщика:

— Перелет, слева сто пятьдесят, расстояние триста саженей.

Обернувшись, Беренс увидел опадающий султан воды, потом услышал негромкий, а потому кажущийся таким нестрашным хлопок взрыва, а еще через секунду до его слуха докатился звук уже виденного им залпа...

Нирод, стоящий рядом, склонился к дальномеру.

— Эх! Дозволил бы командир по «Чиоде» наводить! Уж очень у него мачты хорошо видны — курсовой угол без приборов определить можно...

Из боевой рубки донесся голос Руднева:

— Мичман, давать расстояние по головному. Весь огонь сосредоточить на «Асаме»! Господин лейтенант, отправляйтесь на грот-марс. Будете командовать вторым дальномерным постом.

Когда Беренс уже поднимался к дальномерщикам кормового мостика, у самого борта разорвался второй снаряд.

— Брать расстояния по головному крейсеру! — распорядился он.

Но его слова заглушил ударивший в уши грохот. Японская эскадра открыла огонь по «Варягу» из всех орудий.

Русский крейсер шел вперед, не отвечая на вражескую канонаду. Разрывы ложились все ближе. На корабль обрушивались потоки поднятой взрывами воды. Брезентовые обвесы, спасательные вельботы, обшивку палубы рвали и секли осколки снарядов.

Орудия «Варяга» наведены на «Асаму».

Залп!

Евгений не отрываясь смотрел на японский крейсер, артиллерийские башни которого выплевывали дымки выстрелов.

Лейтенант не замечал, что уже несколько минут он шепчет, как заклинание: «Точнее, братцы, точнее...»

Команды офицеров можно было расслышать только в двух шагах. Впрочем, команд и не требовалось: каждый комендор или матрос аварийной партии знали, что нужно делать.

— Есть! — радостно крикнул дальномерщик.— Ваше высокоблагородие, кормовая башня, кажись...

— Дай-ка посмотреть...

Матрос отстранился, деликатно протерев подолом форменки скользкую от пота резину наглазника дальномера...

В эту минуту страшный удар потряс «Варяг». Лейтенанта отбросило к борту, и он увидел, как медленно вращаясь в воздухе, падают на палубу куски правого крыла мостика, сорванные взрывом.

«Там же Руднев!» — пронеслось в голове Беренса.

— Попадание в мостик! Данные на стрельбу давайте и на носовые орудия! — крикнул он. — Я к командиру!

Беренс скатился по трапу, на бегу успев окинуть взглядом кормовые батареи, шканцы. У третьей трубы горел командирский вельбот, занимались ящики с зарядами. Умолкло несколько пушек — расчеты помогали аварийным партиям тушить пожар.

Беренс рванул за плечо пробегавшего мимо комендора:

— Назад! К орудиям!

— Сейчас, ваше благородие! Только вот заряды за борт бросим.

Лейтенант ожидал увидеть на лице комендора растерянность, страх, но тот был спокоен.

— Не извольте беспокоиться! Наши пушки-то пока не достают. Шестидюймовки пусть поработают, а нам бы еще саженей на двести подойти— вот тогда и постреляем...

Комендор ухватил ящик с пороховыми зарядами и, отворачивая лицо от летящих искр, поволок его к борту, чтобы сбросить в воду.

Пушки «Варяга», кроме нескольких, утопленных в тяжелую сталь бортов, стояли открыто. Все флоты мира уже несколько лет назад спешно укрыли их за щитами. Новые же корабли строились только с орудийными башнями. Однако в России у новшества нашлись противники. Шеф флота великий князь Алексей считал это выдумкой глупой и вредной, — как весело бывало на учебных стрельбах и на парадах видеть заученные движения: «заряжай! прицел! пли!». Скрытые броней комендоры, казалось, уходили из-под власти офицеров.

...От пятого орудия ковылял, опираясь на обломок шлюпочного весла, комендор. Беренс вспомнил его: тот самый гигант, у которого Алексей несколько дней назад в кают-компании допытывался, будет ли война с Японией.

— Давай помогу, братец, — наклонился к нему лейтенант.

— Спасибо, ваше благородие, — с трудом проговорил комендор, — чуток только подтолкните...

Только тут Беренс увидел, что матрос двигается к элеватору, подающему снаряды из артиллерийского погреба.

— Подносчика в руку зацепило, — словно оправдываясь, шептал комендор прерывисто дыша. — Какой без руки подносчик?

Вдвоем они подняли скользкую от смазки гильзу. Один из комендоров кормового орудия подбежал, принял из рук заряд.

— Ваше благородие! — взмолился он. — Еще только три снарядика и подайте... Вот-вот трюмные на подмогу прибегут. Где-то пожар тушат! Три снарядика! А?

Комендор вогнал в зарядник бронебойный снаряд, дослал его в ствол банником, следом — гильзу, жирно чавкнул смазкой замок.

— Готово!

Наводчик, не отрываясь от прицела, медленно вращал маховик, выждал секунду, убеждаясь, что крейсер неприятеля прочно утвердился в перекрестии прицела, махнул рукой.

— Пли! — скомандовал себе комендор и рванул шнур.

Беренс уже бежал с пятым снарядом, когда чьи-то сильные руки бережно и ловко приняли у него тяжелую гильзу.

— Спасибо, ваше благородие!

Нет, положительно, что-то сместилось в мире: лейтенант заслужил благодарность нижнего чина!

С грот-марса, где находился первый дальномерный пост, мичману Нироду был отлично виден и рейд и фарватер, по которому шел «Варяг». Вот из-за небольшого островка Иодольми показался остров Ричи. Около него в строю — шесть крейсеров японской эскадры. Они тотчас дали ход, построились в три кильватерные колонны. Первая пара крейсеров во главе с броненосцем «Асамой» — самым сильным по вооружению и бронированию в эскадре — двинулась малым хо-

дом наперерез «Варягу». Вторая пара, которую возглавил «Нанива» под флагом адмирала, быстро шла, уже пересекая фарватер, чтобы в случае прорыва «Варяга» ударить по нему перекрестным огнем. Третья пара держалась мористее. За ней маячили силуэты восьми миноносцев.

— Ого! Тройной заслон! — протянул мичман.— Не прорваться! Ну, ничего! На этаком пятачке драться удобнее. У нас четырнадцать целей — у них только две...

Страха, растерянности или тревоги мичман не испытывал. Понимая, что на пристрелку нужно истратить как можно меньше времени и снарядов, он был занят расчетами.

После первого выстрела «Варяга» Нирод сам приник к дальномеру, чтобы увидеть всплеск взрывов, а затем дать поправку к прицелам.

Гулко ударили двухсотмиллиметровые орудия «Корейца».

— Молодцы! — отметил про себя Нирод. — Выждали ровно столько, чтобы нельзя было спутать разрывы.

Третий залп «Варяга», и — попадание!

— Ну теперь дело пойдет! — Нирод заломил фуражку. — Только счисляй поправку на ход — и пали...

Он оглянулся. В трехстах саженях по корме крейсера катилось по воде белое пушистое облако. Из него торчали мачты канонерки. «Кореец» стрелял дымным порохом.

— Как же они целятся? — подумал мичман, но тут же вспомнил, как в детстве, в Петербурге, он часто стоял у окна, наблюдая из-за кружевной занавески гуляющие по набережной пары, сам при этом оставаясь невидимым.

— «Эффект кружевной занавески», — пробормотал он, — отличное название для ученой работы по теории орудийной стрельбы!

В это время на мостике под ним разорвался снаряд. Осколки ударили по площадке марса. Взрывной волной его ударило о тумбу дальномера, содрало лоскут кожи на лбу. Левый рукав потемнел от крови. Нирод услышал стон. На досках настила лежал дальномерщик. Правая нога его выше колена была иссечена осколками. Под матросом медленно расплывалось кровавое пятно. Мичман склонился над ним.

— Эк тебя, братец, зацепило!

Нирод расстегнул китель, оторвал кусок белоснежной рубашки. Стал перевязывать ногу раненого. Матрос открыл глаза, застонал.

— Чего это ты, братец, недоволен? Рубашечка свеженькая: перед боем только и надел... Сейчас санитаров позову...

Он поднялся на ноги, и вдруг в лицо ему ударили раскаленные газы близкого разрыва, смяли его тело, бросили о мачту. Горячие осколки впивались ему в грудь, рвали лицо и руки, но Алексею Нироду было уже не больно.

ВЫПИСКА ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА:

«Вторник 27 января 1904 года. На якоре на рейде Чемульпо под вымпелом до полуночи.

Одним из снарядов японцев, попавших в крейсер, разрушено правое крыло переднего мостика, произведен пожар в штурманской рубке, перебит фок-ватр, причем был убит младший штурман, определявший расстояние, мичман граф Алексей Нирод и убиты или ранены все дальномерщики станции № 1.

После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, причем недолетавшие снаряды разрывались при ударе об воду и осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

Последующими выстрелами было подбито шестидюймовое орудие № 3, причем вся прислуга орудия и подача убиты или ранены, одновременно тяжело ранен плутонговый командир мичман Губонин, продолжавший командовать плутоном...

Непрерывно следовавшими снарядами произведен пожар на шканцах, который был потушен... горели патроны с бездымным порохом, палуба и вельбот № 1... От снаряда, разорвавшегося на палубе, подбиты шестидюймовые орудия № 8 и 9 и 75-мм орудие № 21, 47-мм орудия № 27 и 28. Другими снарядами снесен боевой грот-марс, уничтожена дальномерная станция № 2, подбиты орудия № 31 и 32, произведен пожар в рундуках жилой палубы, вскоре потушенный...»

Ожесточение боя нарастало. Над носовым мостиком «Асамы» взвились клубы дыма — попадание. Загорелась палуба. «Асама» покатился влево, застопорил ход. Вперед вырвался крейсер «Такачихо». Комендоры «Варяга» перенесли огонь на него.

Расстояние между эскадрой неприятеля и «Варягом» сокращалось. Беренс уже без бинокля видел фигурки людей на палубах японских кораблей. Он поднимался на полубак, когда рядом с бортом разорвался шестидюймовый снаряд. Беренс упал.

«Кажется, цел». Превозмогая головокружение, поднялся на ноги. У второго орудия лежали комендоры, — весь расчет был убит.

Командир батареи мичман Губонин, отброшенный взрывом, поднялся и, припадая на раненую ногу, ковылял к пушке.

В двери рубки показался старший офицер. Китель его был разорван, выпачкан кровью, обгорел в нескольких местах.

— Мичман! — крикнул он. — Немедленно в лазарет!

Губонин упрямо двигался к орудию, дотянулся до шнура, дернул его — выстрел! Потом покачнулся и упал на палубу лицом вниз.

Старший офицер подошел к Беренсу.

— Вернитесь на шканцы, голубчик, там часть прислуги перебита. Организуйте огонь по миноносцам, — видите? — Степанов указал в сторону острова. Прикрываясь его берегом, справа в атаку на «Варяг» заходили два миноносца.

— Скорее, лейтенант!

Мимо них пронесли в лазарет окровавленного дальномерщика. Следом — завернутое в серый брезент тело. Блеснули погоны.

— Приятель ваш... граф Нирод, — мрачно отвернулся от вопросительного взгляда Беренса старший офицер. — Одним из первых...

На корме жарко пылали мостик и дальномерный пост.

— Наводите по миноносцу! Бронебойным! Прицел двадцать! Пли!

С шестого залпа снаряд тяжелой стопятидесятидвухмиллиметровой пушки взорвался прямо под мостиком неприятельского миноносца.

Японский корабль не сбавляя хода ушел под воду.

Вот над «Такачихо» поднялся огненный столб. Крейсер замедлил ход. В это время «Варяг» стал поворачивать вправо. Евгений понял замысел командира. Маневр позволял ввести в бой не действовавшие до сих пор орудия левого борта.

Корабли уже сблизились настолько, что в бой вступили расчеты самых малых калибров.

Еще в начале боя Руднев понял, что прорваться в открытое море будет очень сложно. Узкий фарватер не позволял крейсеру маневрировать.

И все-таки Всеволод Федорович решился. План его был прост — обрушить весь огневой удар на «Асаму». Затем — ударить по «Наниве», где находился Уриу.

Бой длился уже полчаса. Под ураганным огнем противника «Варяг» шел вперед. Руднев вел крейсер на сближение. Ударить минами и артиллерией на предельно близком расстоянии! Потопить хотя бы один крейсер. Внести растерянность в ряды неприятеля.

Вот уже командир отдал приказ готовить к бою минные аппараты...

Но в эту минуту рядом с боевой рубкой разорвался вражеский снаряд.

ВЫПИСКА ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА:

«Вторник 27 января 1904 года на якоре на рейде Чемульпо под вымпелом с полудня.

12 час. 05 мин. Пройдя траверз острова Иодольми, была перебита на крейсере труба, в которой проходили рулевые приводы, одновременно с этим осколками другого снаряда, разорвавшегося у фок-мачты и залетевшими в броневую рубку через проход, были: контужен в голову командир крейсера, убиты наповал стоявшие около него по обеим сторонам штаб-горнист и барабанщик, ранен тяжело в спину стоявший на штурвале рулевой старшина Снегирев и легко ранен в руку ординарец командира Чибисов...»

Всеволод Федорович очнулся минуты через три, обвел взглядом боевую рубку и не узнал ее: двери сорваны, компас и штурвал искорежены. Раненый рулевой повис на штурвале...

— Руль заклинило, ваше высокоблагородие... Руль заклинило... — повторял он слабеющим голосом.

Тихон Чибисов перевязывал командиру голову.

На стене висели корабельные часы. Руднев машинально взглянул на циферблат. Стекло разбито. В самом центре циферблата осколок артиллерийского снаряда. Но стрелки чудом сохранились. 12 часов 16 минут.

Правое плечо Чибисова потемнело — форменка пропиталась кровью.

— Ты ранен, Тихон! Ступай в лазарет!

— Нет, нет, — совсем не по-уставному ответил вестовой, — я вас не оставлю.

Руднев поднялся.

— Ступай в носовой пороховой погреб... Передай мичману Черниловскому быть готовым взорвать крейсер!

В эту минуту в дверях рубки показался старший офицер. Когда он увидел стоящего на ногах командира, лицо его просветлело.

— Всеволод Федорович, перебило тросы рулевого управления.

— Руль прямо. Управляться будем машинами, — морщась от боли проговорил Руднев.

Сильный удар потряс корабль. По левому борту взметнулся столб воды. Крейсер стал заметно крениться на левый борт.

Старший офицер бросился к месту пробоины. Но там уже Беренс руководил аварийной партией — заводили пластырь, откачивали воду.

Наита вышел на правое крыло мостика. Победа уходила из рук! Японские корабли с самого начала боя затеяли сложный хоровод — тремя кильватерными колоннами, постоянно меняя курс и скорость, они совершали сложный маневр, чтобы русский крейсер и канонерка постоянно находились под огнем трех-четырех кораблей — и заиграли! Через три минуты их эскадра окажется в таком положении, что крейсеры «Асама» и «Чиода» закроют от огня остальных кораблей «Варяг»... Тот свернет к острову Ричи, даст «самый полный» и, ворвавшись в строй миноносцев, размечет их огнем своих пушек. Наита хорошо видел, как, почти не отвлекаясь от артиллерийского боя с крейсерами, «Варяг» несколькими выстрелами одного орудия потопил миноносец.

Итак, половина миноносцев будет утоплена, другая деморализована. А русский крейсер тем временем уйдет... Вот он уже положил руль вправо!

А комендоры «Асамы» и «Чиоды», которые почти весь бой держались к русским ближе всех и уже с трудом выдерживали губительный огонь «Варяга», стреляли все хуже и хуже.

Наита стиснул зубы. В створе между передовыми японскими крейсерами он увидел, как «Варяг», положив руль вправо, стал уходить вдоль берега острова Иодольми!

Но вдруг русский крейсер окутался паром. Попадание в машину или в котельное отделение!

Наита перевел дух. Это победа! Теперь русские не уйдут...

«Варяг» с заклиненными рулями несло на прибрежные камни. Обе машины работали «полный назад». Крейсер замедлил ход, но сила инерции и течение еще тянули его к берегу. До камней оставалось саженей четыреста...

В это время, замедлив ход и положив руль вправо, чтобы стать бортом к неприятелю и иметь возможность стрелять всеми тремя крупнокалиберными орудиями, канонерская лодка вырвалась несколько вперед. Усилившийся ветер срывал с обрезов орудийных стволов клубы белого дыма. «Кореец» вел беглый огонь. Маленький боевой корабль отвлекал японскую эскадру на себя. Но крейсеры противника по-прежнему не стреляли в канонерку — их целью по приказу адмирала Уриу был только «Варяг».

Беляев, командир канонерской лодки, приказал держать пары на пределе и готовить единственный минный аппарат. «Кореец» готовился к атаке на передовой крейсер «Асама».

Канонерская лодка не приспособлена для нанесения таких ударов — и скорость хода и маневренность ее значительно уступали миноносцам, но команда и офицеры «Корейца» решили пожертвовать собой, если положение «Варяга» станет критическим.

Медленно-медленно, словно нехотя, крейсер двинулся назад. Кормовые орудия «Варяга» вели огонь по «Асаме» и «Чиоде». Беренсу показалось, что 75-миллиметровая пушка, которая стояла на кормовой надстройке, стреляет редко и неуверенно. Лейтенант бросился к этой пушке.

Орудийная прислуга была цела. Но комендоры, прильнув к прицелам, не стреляли...

Увидев гневное лицо Беренса, матрос, стоящий на подаче снарядов, пояснил:

— В минные аппараты японца целит, ваше высокоблагородие. Ежели попадет — конец «Чиоде»!

Звонко ударила пушка. Но, видно, в последнюю секунду волна слегка приподняла корму крейсера, и снаряд прошел между мачтами японского корабля чуть выше надстройки.

— Вы что, братцы, — почти растерянно спросил лейтенант, — на учениях? Этак вы еще начнете по иллюминаторам палить! Круши ему надстройки — и все дела. Огня, огня побольше!

— За командира нашего, Всеволода Федоровича, ваше высокоблагородие, хотели отомстить!— в глазах комендора стояли слезы.

— Да жив Всеволод Федорович, жив! Ранен только в голову...

— Дак ведь все равно не пропал выстрел-то. Как раз за «Чиодой» адмиральский крейсерок маячил. Так что попали, не извольте беспокоиться, — кричал подносчик, подавая один за другим снаряды заряжающему.

Наита ликовал! Теперь «Варягу», лишенному хода, остается только выброситься на камни... Потом, после ремонта, через месяц-другой капитан второго ранга Наита вступит в командование превосходным кораблем!

Что бы там ни говорили, а адмирал Уриу — великолепный флотоводец. Сейчас эскадра тремя парами крейсеров зажмет русских в клещи...

Наита напряженно всматривался, стараясь на фоне темного берега острова разглядеть «Варяг». Сейчас спустят флаг... Только маневр «Чиоды» на несколько секунд закрыл русский крейсер! Наита хотел сам своими глазами видеть, как покорный крейсер отдается на милость победителя...

В эту минуту снаряд разорвался у стены боевой рубки. Крупный осколок бронебойного снаряда ударил Наиту в левый бок. Другой перебил фалы сигнальных флагов.

На мостике флагманского корабля японской эскадры корчился в агонии, пачкая кровью настил, несостоявшийся командир крейсера. Его руки судорожно мяли упавшие на него сигнальные флаги, которые еще минуту назад на стеньге означали приказ адмирала потопить русские корабли...

Руднев с трудом держался на ногах.

— Команда думает, что вас убило, Всеволод Федорович, — тихо сказал Чибисов.

Командир, морщась от боли, натянул на бинт, покрывающий голову, фуражку, вышел на уцелевшее крыло командирского мостика:

— Братцы, целься вернее!

Огонь «Варяга» усилился. Но положение русского крейсера было отчаянным: затоплено несколько котлов машинного отделения, рули не действовали, многие орудия побиты.

— Всеволод Федорович! — поднялся на мостик старший офицер. — Хоть на несколько минут выйти бы из огня! Отремонтировать рули — и снова на прорыв. А? Возьмем команду «Корейца» себе на борт — там тоже отличные комендоры... Канонерку и «Сунгари» сделаем брандерами! Добровольцы найдутся...

Руднев улыбнулся. Старший офицер словно прочел его мысли. В самом деле: нашпиговать канонерку и русский почтовый пароход «Сунгари», который случайно оказался в эти дни в Чемульпо, взрывчаткой и, направив на корабли неприятеля, взорвать, а самим пойти на прорыв. Верная идея!

— Сигнал «Корейцу»: «следовать за мной», — скомандовал он. — Лечь на обратный курс.

ВЫПИСКА ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА:

«Вторник 27 января 1904 года на якоре на рейде Чемульпо под вымпелом с полудня.

...Серьезные повреждения заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли полным ходом на рейд, продолжая отстреливаться левым бортом и кормовыми орудиями.

В продолжение боя одним из выстрелов шестидюймового орудия № 7 был разрушен кормовой мостик крейсера «Асама» и произведен на нем пожар, причем «Асама» временно прекратил огонь. Кормовая башня, по-видимому, была повреждена, так как до конца боя больше не действовала».

«Варяг», накренясь, медленно входил в гавань Чемульпо.

Над «Тальботом», а затем и над другими иностранными кораблями взвились дымки выстрелов — корабли салютовали «Варягу».

Русский крейсер не отвечал. Отдав оба якоря, он замер на прежнем месте стоянки. Стал на якорь и «Кореец». Комендоры на русских кораблях не отходили от орудий.

Подошли шлюпки с французского, итальянского и английского кораблей, чтобы забрать раненых.

Руднев отправился к «Тальботу».

Когда он вошел в кают-компанию, капитан первого ранга Бейли встал. Отдавая дань уважения мужеству русских моряков, поднялись остальные.

— Я принял решение взорвать крейсер и каноперскую лодку. «Варяг» утратил боеспособность. У нас разбита половина орудий... потеряно управление... много убитых и раненых...

Бейли сделал попытку что-то сказать, но Всеволод Федорович движением руки остановил его:

— Мы безусловно отвергнем любые предложения о сдаче!

— Я вовсе не об этом, командир, — сказал Бейли, — мы только опасаемся, что взрыв может повредить иностранным кораблям... Не могли бы вы изменить решение? Кроме того, — торопливо добавил Бейли, — мы возьмем на борт не только больных и раненых, но и здоровых членов вашего экипажа... Попасть в плен к каким-то азиатам не позволим...

— Лично я не имею никаких инструкций от своего правительства, — заявил Митчел, командир американского корабля. — Мы не сможем принять русских у себя на борту! Но готовы помочь продовольствием, медикаментами...

— Благодарю вас, — ответил Руднев, усмехнувшись. — Все это мы имеем в достаточном количестве... Я готов пойти вам навстречу, господа. Как только команда покинет крейсер, он будет потоплен. А сейчас я должен отбыть на «Варяг».

Всеволод Федорович направился к выходу, офицеры встали.

В шесть часов пополудни «Варяг» скрылся в холодных водах залива. Еще через несколько минут мощный взрыв тысячи пудов пороха разметал корпус «Корейца».

Команды иностранных кораблей были построены. Русские моряки не стыдились слез.

Судьба, а вернее личный приказ царя, разбросает их по разным экипажам.

В последний раз они собрались все вместе в 1905 году в Петербурге на торжественной процессии по Невскому проспекту. Петербург аплодировал героям «Варяга». Их забрасывали цветами.

Царское правительство и войска терпели в войне с Японией одно поражение за другим. Пример «Варяга» должен был по замыслу царя вдохновить русских солдат и матросов на новые подвиги во славу царского дома. Но Россия уже начала понимать, кто виновен в этих поражениях.

Прошло несколько лет. Однажды у министра иностранных дел Российской империи остановилась карета японского посла. Он прибыл сюда, чтобы вручить высшую воинскую награду своей страны бывшему командиру крейсера «Варяг».

Руднева срочно вызвали из деревни Савино Тульской губернии, где он жил после ухода в отставку.

Николаю II, в свите которого некоторое время состоял Руднев, не нравилась его прямота. Особое бешенство царя вызвало то, что в 1905 году Руднев отказался арестовать матросов-агитаторов в своем экипаже. Однако наказать героя, которого знал весь мир, Николай не решился. Всеволоду Федоровичу была предложена отставка с повышением в чине.

Руднев ожидал японских дипломатов в небольшой гостиной на втором этаже. Он просил министра иностранных дел провести вручение награды без всякой официальной церемонии. Министр с облегчением согласился. Ему тоже хотелось, чтобы человек, который вызвал гнев царя, получил награду иностранной державы тихо и незаметно. Журналистов не приглашали.

Посол сказал, что флот Японии был восхищен героизмом русских моряков, что эта медаль — признание высочайшего воинского мастерства команды русского крейсера. Потом он попросил несколько минут для беседы неофициальной. Руднев согласился.

— Скажите, — осторожно начал посол, — вы не испытываете горечи... обиды на свою страну? Ведь ваша отставка — почетное изгнание. Так поступают обычно с теми военачальниками, кто бездарно и трусливо вел себя в боях. О вас этого не скажешь.

— Нет, господин посол. Обиды, как вы говорите, на свою страну у меня нет. История со временем все рассудит правильно.

— Меня поражает в вас, русских, ссылки на историю. Стоит ли думать о поколениях, которые придут после нас? У них будут свои заботы. Обратятся ли они к вашему примеру?

— Конечно. Сейчас, я знаю, вы боитесь нашего усиления на Дальнем Востоке. Хотите, я подскажу вам, как можно избавиться от этого страха?

— Буду вам признателен, господин адмирал, — глаза Курино весело блеснули.

— Мирная политика наших двух стран в этом районе — вот залог безопасности! Не так ли?

— Я знал, что вы так скажете. Именно так. — Помолчал. — Мужественные и храбрые люди обычно не воинственны... Но давайте оставим решение этих вопросов нашим потомкам.

Посол попрощался.

Всеволод Федорович ощутил на ладони холодный металл японской медали. Он взглянул на нее.

И вспомнил все. Свой израненный, но не сдавшийся крейсер. Людей «Варяга», которые не дрогнули под лавиной вражеского огня. Дым и кровь, холодный расчет и слепую ярость, страдания и радость этого боя.

К 60-летию СССР

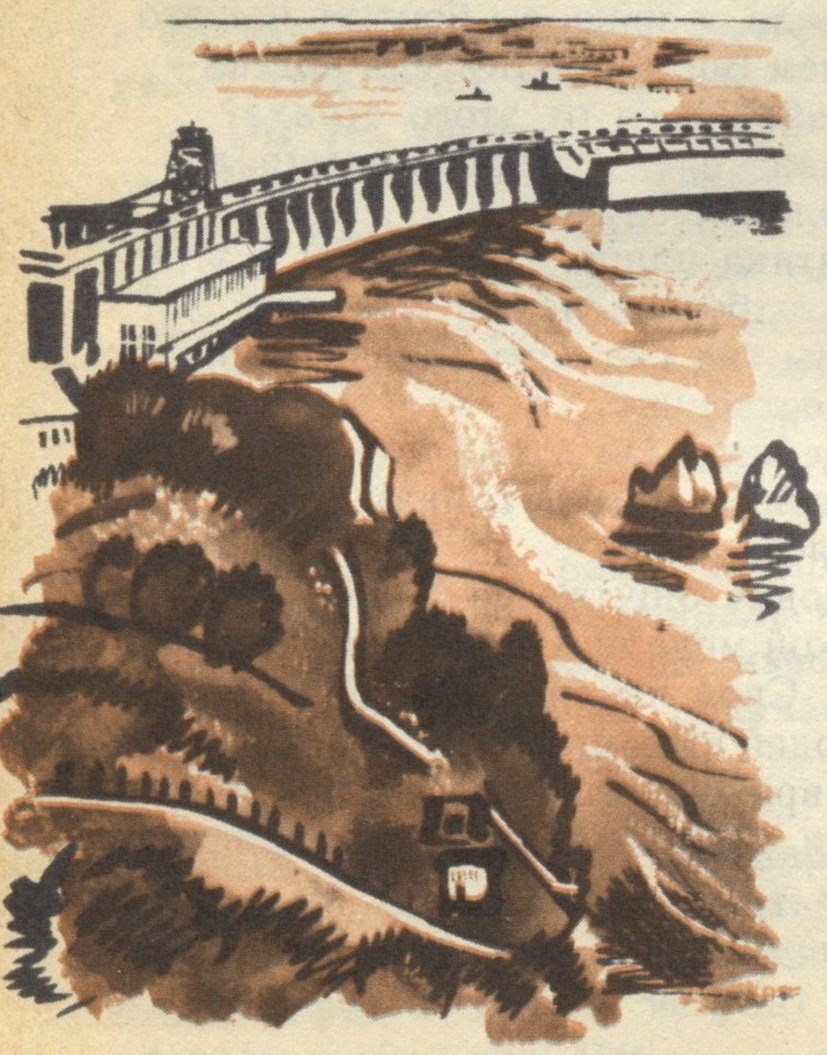
НАВЕКИ ВМЕСТЕ

Возле города Канева, на Чернечьей горе, вечным сном спит великий певец украинской земли, кобзарь Тарас Григорьевич Шевченко. Внизу под горой катит синие волны Днепр и слышна над ним старая тарасова песня:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитый вітер завива,
До долу верби гне високи,
Горами хвилю підійма...

Было время, ходили по Днепру «из варяг в греки». Однако не просто пройти по Днепру. В ту пору разбивались его волны о двенадцать порогов, названия которых говорили о многом: Ненасытец, Леший, Звон, Вольный, Будиловский, Генеральский, Гроза, Бочка, Лысый... Самые коварные назывались Разбойниками.

Суров был Днепр. И люди, что селились на его берегах, были упорны и отважны. Бились они с непрошенными гостями, стояли насмерть за родную землю, ни перед кем не хотели клонить головы.

Они хотели усмирить Днепр. Убирали камни с его быстрины — Днепр новые притаскивал. Пробовали строить обходные каналы, но Днепр срезал шлюзы каналов весенним ледоходом. Когда построили над ним первый мост в 1115 году, при Владимире Мономахе, Днепр снес его. В XVIII веке каждую весну рушил он мосты, наводимые киевским Малороссийским полком. Только в середине прошлого века удалось перекинуть над его волнами прочный — цепной мост.

Как обуздать реку?

Двадцать проектов обуздания реки составили английские и французские инженеры по заказам русских царей, а покорился Днепр советским людям.

Затихли бои гражданской войны. Возвратились на землю крестьяне, встали к станкам рабочие. Молодое Советское государство приняло план ГОЭЛРО — план электрификации страны. По заданию Владимира Ильича Ленина профессор И. Г. Александров создал проект Днепрогэса — гигантской электростанции на упрямой, непокорной реке.

Со всех концов страны съехались к Днепру упорные и молодые. Землю возили на волах, бетон месили ногами. Плотники на деревянных лесах тюкали топорами. Вот и вся техника.

В самые решающие для стройки дни взбунтовался Днепр. Накинулся на плотину. Вода прибывала со скоростью метр в сутки! Что только не швырял на плотину разыгравшийся Днепр — сараи с запертыми внутри коровами, хаты, бараки, лодки, бревна, деревья. Дни и ночи работали строители Днепрогэса, не было времени на отдых и еду. Укрепляли плотину. Везли камни и песок. Спасли, отстояли первенца электростанции.

И сдался Днепр. Под четырехметровой глубиной скрылись коварные пороги.

В день Первомая 1932 года потоки днепровской воды ударили в лопатки турбин. Одиннадцать высоковольтных линий понесли энергию в города и села. Девять турбин дали ток «Запорожстали», Криворожскому металлургическому заводу, Никопольскому трубному, марганцевым рудникам...

А в 1944 на месте Днепрогэса темнели нагромождения бетонных глыб, скрученные взрывами металлические балки, изуродованные механизмы. Фашисты разрушили электростанцию. Нужно было все начинать сначала.

И снова к Днепру приехали комсомольцы с Волги и Кавказа, с Кубани и Смоленщины. Ехали недавние солдаты Великой Отечественной, в гимнастерках с нашивками ранений. Работали как воевали! В книге «Возрождение» Л. И. Брежнев пишет о тех, кто возрождал Днепрогэс: «Буквально на всех участках люди работали самоотверженно, талантливо, смело. Случалось, не уходили домой, пока не выполнят задания, по нескольку дней оставались на стройке — поспят где-нибудь в тени три-четыре часа и опять за работу».

Весною 1947 года возрожденная электростанция дала ток. Закрутились шестеренки станков, зажглись электрические лампочки в городах и селах.

Но не зря называют Украину не только «хлеборобной» и «металлургической», но и «шахтерской» республикой.

Еще в 1721 году подъячий Григорий Капустин обнаружил на реке Кондручей месторо-

ждение каменного угля. Образцы послал в Петербург. От царя Петра I последовал указ:

«Для копания каменного угля и руд, которые объявил подъячий Капустин, послать нарочного. Копать сажен за три и больше и, накопав пуд до пяти, привезти в бергколлегию и опробовать...»

В 1795 году заложили первую на Украине шахту и принялись добывать уголь.

А работа была тяжелая. Еще долго рабочий люд добывал уголек киркой, лежа на спине в сыром, тесном забое. На тачке, на четвереньках тащил его к подъемнику. Работали в шахтах и ребятишки от семи до пятнадцати лет. Не в школы, а в забои вели мальчишек голод и нужда. А хозяева богатели.

По указанию В. И. Ленина, в 1921 году были закуплены иностранные врубовые машины. Минули годы, и шахтеры простились с обушком — застучали в забоях свои советские отбойные молотки и воздушные врубовки. Затарахтели паровые лебедки. Конюгон Семен Петренко вывел на белый свет последнюю слепую конягу. В шахтах загудели электровозы.

И родилось в Донбассе новое слово «стахановец»! В шахте «Центральная — Ирмино» забойщик Алексей Стаханов за одну смену нарубил 102 тонны угля, при норме 7 тонн. Узнала об этом рекорде вся страна, и тысячи рабочих заводов, фабрик, шахт и железных дорог решили работать так же — по-стахановски.

Сегодня рекорд Алексея Стаханова даже трудно сравнить с выработкой, к примеру, Виктора Щебетовского, который выдает по вагонетке угля в минуту. 102 000 тонн в месяц. Но теперь и техника другая! Важно не это — Алексей Стаханов был первым, кто по-новому подошел к своему труду. А быть первым очень трудно.

В 1929 году за руль трактора села Паша Ангелина. Она создала первую женскую тракторную бригаду на Украине. И повела бригада трактора в поле, а на пути, поперек дороги — бабы деревенские: «Поворачивайте оглобли,— кричат, — эко, греховодницы! Вертихвостки! Чего выдумали! Женское ли это дело? Не пустим!» Ничего, пустили!

За годы работы тысячи гектаров полей вспаханы дважды Героем Социалистического Труда Прасковьей Никитичной Ангелиной, много доброго украинского хлеба дала она людям.

Но славится Украинская земля не только шахтерами и хлеборобами. Кто не ездил на львовском автобусе? Кто не видел собранные в Кременчуге грузовые автомобили «КрАЗы»? А малолитражные «Запорожцы» из города Запорожье?

Знамениты дела украинских машиностроителей!

Самолеты, фотоаппараты «Киев», херсонские и николаевские сухогрузные суда и рыболовные траулеры! Харьковские тракторы и тепловозы. Это все создали рабочие Украины.

...Есть в Киеве площадь. Посредине площади памятник — пьедестал, словно вершина утеса, а на нем всадник — гетман Богдан Хмельницкий.

В октябре 1653 года, в ответ на просьбу Богдана Хмельницкого, московский Земский собор вынес решение о воссоединении Украины с Россией. Русские войска пришли на помощь украинской освободительной армии. Через несколько месяцев на Переяславской раде был торжественно подписан акт воссоединения Украины с Россией.

Пророчески звучат сегодня слова «неистового Виссариона» — В. Г. Белинского: «Слившись навеки с единокровною ей Россией, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность». И словно в подтверждение этих слов звучит могучий голос Украины в хоре братских республик Страны Советов.

Л. ГАВРИЛОВ, В. СУСЛОВ

СТИХИ ПОЭТОВ СОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ

Эдуардас СЕЛЕЛЕНИС

КОГДА ПОЛЯМИ...

Когда полями бегу насквозь я,
Мне шепчут что-то
Вослед колосья.

Взлетев над теплой, над сонной нивой,
Поет мне что-то
Птенец счастливый.

А ветер, нежно лицо мне гладя,
Доносит эхо
Из дальней пади.

Как много звуков плывет навстречу!
Но как сумею,
Но как отвечу

На птичий отзвук лесного гама,
На шорох ветра,
На вздох твой, мама?..

Стою один я в бескрайней шири —
Как много надо
Понять мне в мире!

МОЙ ДЕДУШКА

Невелик городок наш,
А музей в нем — большой,
А в музее — мой дедушка,
Совсем как живой!

С автоматом, в шинели,
Из далекого дня
С фотографии дедушка
Глядит на меня.

Он с войны не вернулся
В городок наш назад,
Не был дедушка дедушкой,
Был он просто — солдат.

Словно дедушка, стану,
Хоть и мал я на вид,
Невелик городок наш,
Да героев растит!

Йонас ШЕЖИНИС

ЦВЕТЕТ ГОРОХ

В огороде,
Вдоль дорожек,
Под веселый звон осы,
Улыбается горошек
Сквозь зеленые усы.

Брызнет дождик,
Гром ударит,
А горошек — начеку:
Он растет и нам подарит
По тяжелому стручку!

СОБИРАТЕЛИ ВИШЕН

Срок пришел: чернеют вишни.
Черный дрозд, наш друг давнишний,
Между веток суетится,
Нас нисколько не боится.
Ведь и нам,
Как дроздам,
На деревьях — благодать,
Как дроздам
Сладко нам
Вишни с веток собирать!

Перевел с литовского
Михаил ЯСНОВ

Рисунок А. Ивашенцовой

ЗНАКОМЬСЯ: ТВОЙ РОВЕСНИК!

И ПРИНЯЛИ В КОМСОМОЛ

Есть в дружине 103-й ленинградской школы братья — Сергей и Михаил. Близнецы. Похожи — испугаешься. Вылетит Серега на перемене в коридор, из-за парты другой встает. «Ты, Миш?» — спросит кто-то неуверенно. «Не, это я, Сергей, а Мишка — вон он в коридоре пацана волтузит. Разобрался?»

Маша Майорова, председатель совета дружины, училась в этом же седьмом «а» и тоже изумлялась близнецам: то оба слаженно схватят по двойке, то так же дружно не явятся на сбор.

Майорова авторитет: третий год председатель. И вот привела одного из братцев в пионерскую комнату. Сели.

— Страшно как, — сказал этот то ли Михаил, то ли Серега. — Сейчас воспитывать будешь, да? Ну, давай, есть три минуты.

Мальчишка высокий, крепкий, Маша тоненькая и пониже. Но поглядела в упор:

— Брось паясничать. С тебя и с твоего братца совет дружины собирается снять галстуки. Весело?

Парень поначалу с интересом разглядывал окно, но потом опустил голову. Майорова говорила, что застряли оба братца в детстве, даже в младенчестве, а впереди восьмой класс, впереди комсомол. Лицо у девочки пошло алыми пятнами, так разволновалась. Этот то ли Михаил, то ли Сергей втихую удивляется: ей-то что? Ах, да, — председатель... Должность, значит, обязывает.

Все же ушел без шуток, хоть, наверное, подумал: «Ох, уж эти воспитатели... Да сами-то вы кто такие? Рабо-о-отнички... Это еще поглядеть надо».

А потом зазеленела-запела кругом весна, солнце понакидало зайчиков даже на учебники и тетрадки. Семиклассники переходили в 8-й класс. Близнецы, поднапрягшись, перешли тоже. И отличница Майорова перешла, но с одной четверкой.

— Ах-ах, какой ужас, — сочувствовали братья, — одна четверка! Ах, ах!

Маша смеялась. Ужас-то, конечно, не ужас, но если б знали они, как далась ей нынче эта учеба — да с одной четверкой...

Почти посреди года дружина осталась сразу без двух вожатых — старшей и ее помощницы. Майорова да еще комиссар совета дружины Таня Леонова — вот такая получилась вожатым замена.

Рвется к небу барабанная дробь. Отряды сто третьей вступили в игру пионеров Выборгского района «Мы на марше». Кто же так подходяще двигает барабанными палочками? Михаил и Сергей чуть шеи себе не вывихнули, из-за голов высматривая удалого барабанщика. Ущипнули соседа сбоку: не сон ли? Она, пигалица!, Майорова!

— Где научилась? — оба допрашивали потом. — Кто разрешил?

— Завидно? В районном пионерском штабе. Штабист должен уметь все. Между прочим, и не штабистам это не запрещается.

В Выборгском районном штабе Машу в те дни встречали сочувственно: все же без вожатых в дружине нелегко. Правда, у Майоровой и помощники что надо — тот же комиссар Таня Леонова, другой член штаба Ира Степанова, да и еще мальчишки и девчонки. Когда вожатые все же появились, дружинный совет докладывал им о многом: есть второе место по району в пионерской работе, хорошо действуют юннаты, техники, поисковая группа.

Еще была новость: Машу приняли в комсомол.

Майоровой в районном пионерском штабе сказали:

— Куда поедешь на лето? В лагерь пионерского актива «Зеркальный» или трудовой комсомольский лагерь на Кубань?

— Что за вопрос? — ответила Маша. — На Кубань!

И тут же про себя подумала: «Мишку и Сережку тоже возьму с собой. Это как раз то, что им нужно».

Г. КНЯЗЕВ

ПУГОВИЦЫ

РАССКАЗ

Елена МАТВЕЕВА
Рисунки О. Филипенко

Таня Осипова прославилась в один день. Она никогда ничем не выделялась: тихая, незаметная, училась средне. На уроках ей не делали замечаний, но мне часто казалось, хоть и сидит она, прилежно сложив руки, а отсутствует, витает где-то. В глазах у нее что-то такое было...

Сережка Марков нет-нет и взглянет на нее, словно хочет узнать, где же она? Осипова смотрит на доску или чуть левее — на деревья за окном, Марков следит за Осиповой. Интересно знать, что он в ней нашел?!

На школьной выставке все любовались Таниным макетом «Северная деревня». Несколько изб, мельница, церковь, колодец-журавль. Вот где Осипова витала, вот что было в ее задумчивых глазах — строгая русская деревня.

— Ты была в такой деревне? — спросила наша классная, Вера Борисовна.

— Нет, — ответила Таня. — Но у меня есть книга с фотографиями «Русский север».

— Очень талантливая девочка, — сказал завуч.

Я рассматривала игрушечные избенки: бревна — гладкие нарезанные веточки — скреплены пластилином, крыши выложены кусочками коры. Праздничные крылечки на высоких столбах. Колодец-журавль вытянул тонкую длинную шею, на которой висит ведерко из фольги. Мельница с берестяными крыльями.

Год назад, когда Таня появилась в классе, мне она понравилась. Серьезная, аккуратная. Слушает тебя — наклонит голову набок и внимательно смотрит. Мне показалось, что с ней можно по-настоящему дружить. Но шло время, а Таня так ни с кем и не подружилась. И я бы, наверно, думать про нее забыла, если бы не Сережа. С ним особая история.

После выставки все приставали к Осиповой с разговорами. Особенно старалась наша отличница и староста, Нина. Она привыкла всегда во всем быть первой, вот ее и заело.

— А что это за мхи у тебя на макете? — спрашивала она.

— Ягель, исландский мох, всякие лишайники.

— Но ягель ведь у нас не растет, — допытывалась Нина. — Он в тундре растет, его олени едят.

— Растет. Ведь и исландский мох не в одной Исландии водится. Он вообще не мох, а лишайник. Просто его неправильно называют.

По пути домой Нина, фыркнув, сказала:

— Исландский мох все неправильно называют, одна Осипова правильно.

Мы нагнали Веру Борисовну и кого-то еще из ребят.

— Наверное, Осиповой кто-нибудь помогал, — не могла успокоиться Нина. — Кто у нее родители, художники?

— У Тани одна мама, — ответила Вера Борисовна. — Отец умер, когда Таня была маленькая. Мама работает на двух работах, я думаю, ей не до макетов.

Потом мы с Ниной стояли под аркой у моего подъезда и обсуждали события дня. Рядом телефонная будка. Пока мы болтали, там сменилось человек десять. Сначала долго и оживленно с кем-то говорила девушка, а мужчина-пенсионер стучал ей в стекло согнутым пальцем. Пенсионера сменила женщина с хозяйственной сумкой. Потом какой-то человек неуклюже запихивал в кабину себя и огромный рулон ковра.

Нина рассказывала про мальчика, с которым она ходит на английский язык, потом про свою собаку. Я замерзла, но почему-то стояла и слушала, хотя было совсем неинтересно.

— С пуговицами так ничего и не выяснилось?— спросила Нина.

— А что могло выясниться? — Я машинально потрогала верхнюю пуговицу на пальто. Она была красная в белую крапинку. Три нижних кто-то открутил в школьном гардеробе, и вместо них мама пришила красные одноцветные.

— Гнусная история, — сказала Нина. — Хотелось бы мне воришку схватить за руку. Я бы такое устроила!..

Дома я спросила у мамы, будто в шутку: «Я красивая?» «Симпатичная», — ответила она так, что не разберешь, всерьез или шутит. Потом она быстро и внимательно глянула на меня, и я поняла. Да, да, да! Очень даже симпатичная! Тогда почему же Сережка пялится на Осипову?

Я наломала веток тополя и попробовала «строить» избу. Мама сказала:

— Тебе только человечков из желудей делать.

Прошла после выставки неделя, две, и в классе снова забыли про Таню. А я по-прежнему перехватывала Сережины взгляды и тогда нервничала, громче, чем нужно, смеялась, с размаху бросала сумку на парту и начинала с кем-нибудь носиться по классу, а если это было на уроке, отчаянно болтала с соседкой Ленкой, пока не выгоняли за дверь.

С Сережей мы дружили с четвертого класса. В школу и из школы ходили вместе, вместе гуляли и делали уроки. Но потом у него появились новые друзья — Максим и Валерка. Мама тогда сказала: «Значит, ему пришло время дружить с мальчишками».

А потом появилась химия. Сережа стал ходить в школьный кружок и все свободное время пропадал у химички в лаборантской и в библиотеке.

Мы и теперь, случалось, шли вместе домой, иногда он занимал для меня очередь в школьном буфете. Но все это было уже не то. И еще — Осипова. На меня он никогда так не смотрел.

Никто и внимания не обратил, когда Таня перестала ходить в школу. Только мне спокойнее стало жить. А через неделю Вера Борисовна сказала:

— Девочки, вы бы навестили Таню Осипову, помогли бы с уроками, а то отстанет.

Я сразу вызвалась идти, собралась и Нина, но у нее в тот день оказались занятия по английскому.

Танин дом стоял в саду на берегу Малой Невки. Он был двухэтажный, деревянный, с большой застекленной верандой. На первом и втором этажах и за стеклами веранды, в зеленовато-голубом свете сидели за кульманами люди и что-то чертили. Я расстроилась, что неверно записала адрес, и стала бродить по саду, где росли старые деревья с черной морщинистой корой. На деревьях кричали большие вороны. Через заснеженный пруд перекинулся мостик.

Стало смеркаться, и я уже собралась уходить, когда, огибая дом, неожиданно нашла притаившуюся за высокими кустами дверь. Постучала. Долго никто не открывал. Потом выглянула старушка, осмотрела с головы до ног и допросила: кто и что, а потом повела по коридору. Здесь пахло пригоревшей кашей, которую я никогда не ела.

Неожиданно старушка толкнула дверь, и я оказалась в полутемной комнате. Окошко заслоняло большое раскидистое растение.

— Свет на тумбочке, — откуда-то сказал Танин голос. Я пошла на большой бледный абажур, который плавал в глубине комнаты и, нащупав кнопку, включила свет.

Таня сидела на диване. Одетая. Ноги прикрыты зимним пальто, а на коленях раскрытая книга. Она не ожидала меня увидеть и растерялась.

— Ты что в темноте сидишь? — спросила я. — Дремала?

— Задумалась, и стемнело.

Сколько же времени она думает, если в комнате давно пора зажечь свет. Я огляделась и, не заметив вешалки, положила пальто на стул. Вся комната была загромождена массивной старой мебелью. Таня подвинулась, и я села к ней на диван, широкий и жесткий, с полочкой на высокой спинке. Посмотрела рисунки в Таниной книге. На них были женщины в невероятных шляпах. То корабль на шляпе, то фрукты с цветами, то целый город. А у одной на голове стоял поднос со свечками.

— Ты читаешь эту книгу? — спросила я.

— Рассматриваю.

— Зачем это тебе?

— Хочу быть художником-декоратором.

— А откуда у тебя такая книжка?

— Мне Инна Петровна дает, она с нами занимается в кружке рисования.

Я обрадовалась, что у нас складно получается, что я сразу узнала про Таню самое главное. Я вынула тетради и стала рассказывать, что мы прошли за неделю.

— Интересный у вас дом, — сказала я, покончив с алгеброй.

— Обычный, — отозвалась Таня. — Нам скоро квартиру дадут. Там будет своя кухня и ванна. Может быть, у меня даже будет своя комната.

— Сад здесь красивый. Наверно, летом особенно.

— Летом красиво. А зимой снегу много.

На улице зажгли фонари, и за окном, за зеленым светящимся кружевом растений, мерно шел снег.

— Я не люблю снег. Его приходится убирать каждое утро, а к концу рабочего дня опять навалит.

— Зачем убирать?

— Людям на работу нужно. Мама в институте дворником работает и техничкой. Я ей помогаю, у нее суставы болят. Когда снегу много, приходится вставать в пять. — Она говорила тихо, напряженно, немного вызывающе.

Наверно, нужно было предложить: «Давай, я помогу убирать снег, пока ты болеешь». А еще лучше: «Завтра утром мы с Марковым поможем твоей маме». Я была уверена, что Сережа встал бы в четыре утра и пришел. Но ведь Марков не должен сюда ходить.

— Когда в школу? — спросила я.

— В пятницу к врачу. Горло не болит, температура нормальная. Выпишут.

— Приходи ко мне, когда поправишься, — сказала я. — У нас дома много книг по искусству, моя мама — искусствовед.

— Спасибо, — сказала Таня, а я так и не поняла, собирается ли она прийти.

— А еще у нас есть старинная гравюра и пять современных картин. Художники подарили.

Она смотрела внимательно и печально, склонив голову к плечу. А я подумала, что же это, сижу и уговариваю прийти, и голос просительный, противный.

Надевая пальто, я отошла к двери, чтобы не своротить лампу. И тут я увидела.

На комоде стоял макет. Еловый лес. Древний, дремучий, моховой и лишайниковый. Буро-серебряный. Под разлапистыми ветвями росли грибы и среди них три мухомора. Шляпы у мухоморов были из пуговиц. Красных в крапинку. Моих пуговиц.

Я пошла за своей сумкой в глубь комнаты, встала у окна. Во дворе, по глубокому снегу, пробиралась кошка, обдумывая каждый шаг и брезгливо отряхивая вынутые из снега лапы.

— Газету выпустили, — неожиданно сказала я. — Шульгин опять двойку по физкультуре схватил. А Косицын хватает по всем предметам.

Я не знала, что дальше говорить, выскочила из комнаты и, натыкаясь по дороге на что-то гремящее, оказалась в саду. Беспомощно потрогала одинокую красную в горошек пуговицу у воротника. На морозной вечерней улице пахло почему-то подгоревшей кашей из темного коридора. Это я — ни рыба ни мясо, а совсем не Осипова. Завтра я скажу про пуговицы Вере Борисовне.

Но Вере Борисовне я ничего не сказала. Не-

сколько раз открывала рот, чтобы рассказать под честное слово соседке по парте, Ленке, но промолчала.

Осипова в субботу не появилась, и я стала думать, как встречусь с ней в понедельник. Почему-то вообразила, что она напишет мне письмо и все объяснит. Но письмо не приходило.

Что же, она вернется в класс и будет по-прежнему ходить мимо, не замечая меня, будто ничего не случилось? А ведь я ей все простила. Пусть только придет и скажет: «Мне очень стыдно. Я давно мучилась». А я скажу: «Ерунда. Мы не будем об этом вспоминать». Но иногда я сама себя не понимала. Иногда я очень плохо относилась к Осиповой, мне хотелось, чтобы все узнали про пуговицы.

Наконец я рассказала про Осипову маме. Она задумалась, помолчала, а потом говорит:

— Ты не болтай про эту девочку в школе.

— Я и не собираюсь.

— Правильно. Из-за этих пуговиц человеку можно жизнь поломать.

— Ну уж и поломать...

— Я серьезно говорю. А если хочешь ее наказать, она уже наказана. Вообще я не совсем поняла, что ты хочешь? Ты дружить с ней хочешь? Тогда помоги ей.

Если бы я сама хорошо понимала, что хочу! Я знала, мама права, но успокоить меня могла только Таня.

В пятницу был прекрасный день, морозный и солнечный. Мы шли с Сережей через Кировский мост. По левую сторону все дома разрумянились под солнцем, окрасились розовым. А Летний сад застыл, как хрустальный, и звенел. Звенел тонко, тонко...

В мороженице мы ели мое любимое ореховое мороженое, и Сережа мне рассказал, что станет биохимиком. Он будет заниматься океаном. Это одна из важнейших проблем, потому что, оказывается, запас пресной воды на земном шаре очень мал. А современный городской человек использует около тысячи литров в день. (Я даже вообразить такое не могла!) Где же брать пресную воду? Есть выход — опреснить морскую. С океаном связано будущее человечества. В океане огромные запасы питья, еды, полезных ископаемых и энергии. Сережа еще не знает, чем займется конкретно, но, в общем, все для себя решил.

Раньше он никогда так серьезно и искренне со мной не разговаривал. И вдруг я поняла, что сейчас расскажу ему про Таню.

Начала с сада. И как окно просвечивало прозрачными зелеными листьями, снег шел, а в комнате громоздилась странная мебель. И про книгу, и про то, что Осипова хочет стать художником-декоратором. И про все остальное — главное.

Сережа молчал. Потом мы почему-то встали и пошли домой. Вернее доехали на автобусе. Я еще подумала, что напрасно рассказала ему. Но почему? Почему после мороженицы мы ни о чем не говорили и спешили домой? Почему все испортилось?

Возле арки моего дома он спросил так же, как и мама:

— А что ты от нее хочешь? Чтобы она у тебя прощения попросила? Перед всем классом?

Повернулся и пошел, будто меня и не было.

В субботу Таня опять не пришла. А на большой перемене Сережа что-то вложил в мою руку и зажал ее в кулак. Посмотрела — на ладони пуговицы. Я догнала его и спросила:

— Ты был у нее?

— Был.

— Ну и что?

— Леса с грибами не видел. Она разломала его после твоего ухода.

— Она ничего не просила мне передать?

— Пуговицы. Что же еще? Ее, кстати, выписали неделю назад. Она прогуливала.

Он ушел. Давно прозвенел звонок, а я так и стояла в коридоре, сжимая в кулаке пуговицы-мухоморы.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

БУМАЖНЫЕ КОРАБЛИКИ

Бегут ручьи по улице,
Весенние ручьи.
На небе солнце жмурится,
Купает в них лучи.

Кораблики бумажные
Пускают малыши,
И пешеходы важные
Смеются от души.

Плывут, качаясь, лодочки
В веселом ручейке,
Как будто пароходики
На солнечной реке.

Оля Кремина,
пос. Куркино
Вологодской области

ВОРОБЕЙ

Старый серый воробей
Улетел от кошки,
На заборе посидел
И почистил перышки.
А чтоб знали, что он жив,
Звонко пискнул:
«Чив, чив, чив!»

Саша Мурашов,
Москва

МАРТ

Сбегая синей речкой вниз,
Мечтой, переполохом,
Рассветом, новосельем птиц,
Земли свободным вздохом,
Ручьями мутных талых вод,
Капелями полна,
Затеяв красок хоровод,
Пришла в мой край весна!

Юля Чернякова,
Люберцы

КОНИ И ПОНИ

— Добрый день! —
сказали кони.
— Добрый день! —
сказали пони.
— Вы куда? — спросили кони.
— К малышам, —
сказали пони. —
Мы давно их не видали,
Мы давно их не катали.

Сережа Теглев,
Кохтла-Ярве

ОТЪКОУДА АЪЪБОУКА ПОШЛА ЄСТЬ

Елена ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Рисунки Н. Куликовой

Зашел ко мне вчера соседский шестиклассник Данька и говорит:

— А я могу свое имя английскими буквами написать. Вот так.

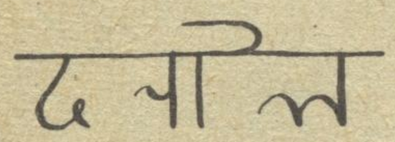
Берет бумагу и пишет:

DANYA

— Молодец, Данька, — говорю я. — А хочешь, я твое имя «Данила» напишу другими буквами. Вот смотри — греческими:

Δανιλα

Или индийскими:

— Вы меня обманываете, — обиделся Данька. — Букв-то должно быть шесть, а вы только три написали.

— Это потому, что у индийцев письмо слоговое. Каждый значок обозначает не звук, а целый слог: ДА-НИ-ЛА.

— Вот здорово! — обрадовался Данька. — Так гораздо удобнее — писать быстрее.

— Зато грамоте учиться труднее и дольше, ведь букв у нас всего 33, а слогов сколько — около пяти сотен. Ну-ка поди выучи их все.

— Да уж, — чешет голову Данька. — Бедные там ребята.

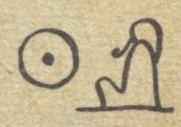
— Это еще что. А каково было ученикам в Древнем Египте...

И тут я рассказала ему, как человек научился писать.

В тундру пришло лето. Наступил долгий полярный день, и солнышко осветило промерзшую за зиму землю. Снег кое-где растаял, и на прогалинах появились зеленые стебельки. Погода стояла отличная, однако Кутх был недоволен. Целый день он проплавал вдоль берега в своем каяке, но добыча не шла. Надо было возвращаться в деревню, но с пустыми руками плыть назад не хотелось. Может быть, завтра посчастливится? Но ведь его ждут сегодня, и если он не покажется в деревне, там начнется беспокойство. Что же делать? Выход нашелся скоро. Недалеко от берега виднелись остатки кострища — старая летняя стоянка. Сегодня здесь будут проходить другие охотники из деревни. Кутх отрезал кусочек кожи и написал на нем острием костяного ножа, да-да, именно написал, и хотя он не умел еще делить свою речь не только на звуки, но и на слова, он мог *НАРИСОВАТЬ* содержание:

Выбравшись из каяка, он привязал письмо к колышку, где было условлено оставлять такие послания. Охотники увидят письмо, принесут его в деревню и дома прочтут: «Знайте, что я отправился на лодке и заночую на острове с двумя хижинами. Я охочусь за морскими львами и вернусь на лодке в мой зимний дом».

Однажды сотни и тысячи лет назад древнеегипетский ученик писца Меру сидел на циновке, постеленной прямо на земляной пол, и, обмакивая тростниковую палочку в краску, выводил:

Меру очень старался. Ведь когда он выучится, он станет писцом, а писцы — одни из самых уважаемых в Мемфисе людей. Это вам не какой-нибудь горшечник. Меру учился уже третий год и умел точно и красиво переписывать иероглифы.

В это время в комнате появился соседский мальчишка — сын ткача Ренси.

— Меру, пойдем играть, — позвал он.

— Я не могу, — ответил тот. — Видишь, я учусь. Учитель велел красиво переписать вот эту надпись.

Ренси подошел поближе и с интересом стал разглядывать глиняные черепки, лежавшие у ног Меру. Папирус был слишком дорогим материалом и поэтому ученики делали упражнения на черепках.

— Что это тут написано?

— Я написал: бог Ра, видишь?

— А зачем кружок с точкой?

— Это иероглиф, он значит «солнце», ведь Ра — это бог солнца.

— Интересно, — сказал Ренси. — И ты так можешь написать все, что хочешь?

— Сейчас еще не могу, ведь иероглифов у нас столько же, сколько слов — несколько тысяч, а я еще не выучил их все, но вот пройдет несколько лет, я стану настоящим писцом и смогу написать все, что будет нужно.

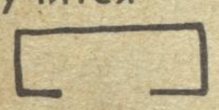
— Несколько лет... — покачал головой Ренси. — А я за два года уже стал совсем настоящим ткачом — могу изготовить шерстяную ткань для плаща, а могу соткать и тонкую кисею.

— Писать — это гораздо сложнее, — гордо ответил Меру. — Весь первый год я только учился красиво писать иероглифы, хотя даже не знал, что они значат.

— Как же ты писал и не знал, что пишешь? — удивился Ренси. — Мне отец всегда сначала объясняет, как нужно что-нибудь сделать.

— Учитель лучше знает, как нас учить, — возразил ему Меру, и Ренси не нашел, что ему ответить.

— А теперь я уже выучил значения многих иероглифов. Вот «идти», а вот это «дом», а если поставить их вместе, то получится

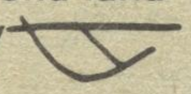

«выходить».

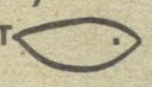
Ренси присел на корточки у черепков. Он задумался, а потом спросил:

— А как же ты напишешь МЕРУ — свое имя? Себя будешь что ли рисовать?

— Ну, это просто. Сначала я нарисую мотыгу

а по-крестьянски она звучит «мере», а потом рот

Мотыга начинается с МЕ, а рот — РО, это почти что РУ, вот и все. МЕ-РУ.

Ренси так и подпрыгнул.

— Слушай, так ведь можно не только имена, а и все слова писать. Подумай, ведь гораздо легче будет учиться. Как слышишь, так и напишешь.

— Не знаю, — с сомнением покачал головой Меру. — Учитель так не велит.

— Так ты ему подскажи.

— Нельзя. Как я могу учить своего учителя? Он только рассердится и побьет меня. «Уши мальчика на его спине» — вот его любимая пословица.

— Но ведь так легче будет научиться писать, — со слезами убеждал его Ренси.

— И тогда всякий ткач и горшечник узнает тайну письма? — раздался вдруг за его спиной грозный голос.

Ренси вздрогнул и оглянулся — в дверях стоял отец Меру — важный писец Шимсет.

— Иди и занимайся своими тряпками, — приказал он Ренси. — А ты, — обратился он к сыну, — продолжай переписывать иероглифы! Пусть глупцы в других краях отдают это священное искусство во власть простолюдинов, мы этого не допустим!

А вот что произошло давным-давно в греческом городе Милете, когда греки еще не знали письма. Однако, они уже сложили много прекрасных мифов и поэм, которые рассказывали бродившие по городам и селам сказители-аэды.

Однажды такой сказитель зашел в Милет. Он рассказывал чудесные истории о путешествиях аргонавтов, об осаде богатой Трои, о приключениях хитроумного Одиссея. Весь город ходил его слушать. А сын милетского ремесленника Аристид был так очарован этими рассказами, что всякий раз неизменно являлся в тот дом, куда пригласили сказителя. Многие куски поэм он даже выучил наизусть.

Вскоре слепой певец ушел из города, и опечаленный Аристид сказал отцу:

— Отец, я несколько раз слушал рассказчика, но так и не сумел всего запомнить. А мне так бы хотелось выучить эти поэмы.

— Запомнить — дело нелегкое, — сказал отец. — Недаром профессия сказителя у нас так почитается.

— Но как же! — не унимался Аристид. — Ты подумай, ведь если он один знает эти поэмы, и вдруг с ним что-нибудь случится, то они просто пропадут и все?

— Он должен передать свои знания ученику.

— А вдруг он не успеет или ученик попадется плохой и все перезабудет, — настаивал Аристид. — Как бы сохранить эти чудесные рассказы...

Он долго думал, но так ничего и не придумал.

И вот однажды в Милет прибыл финикийский корабль.

Окончание следует

НЕФТЬ И ГАЗ ПЯТИЛЕТКИ

В Туркмении, в Юго-Восточных Каракумах ночью весенний ветер нижет холодом, но в полдень все выше поднимается солнце, и из-под касок уже бегут струйки пота. Бригада В. Погадаева Восточной геолого-геофизической экспедиции ведет поиск газа.

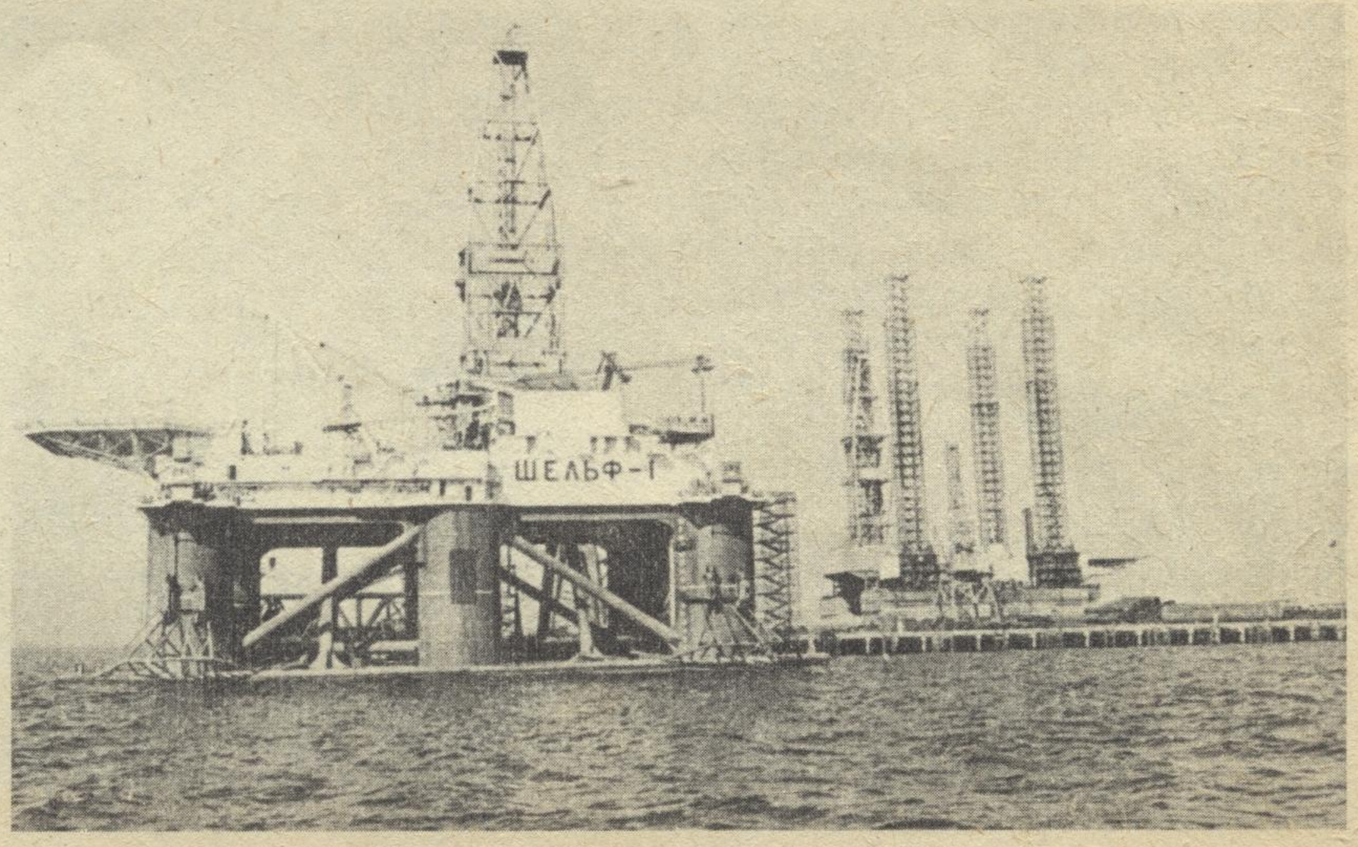
Специалисты утверждают, что Даулетабад-Донмезское газовое месторождение станет вскоре крупной базой газовой промышленности республики. Как подсчитали ученые, по запасам топлива оно в полтора раза превосходит крупнейший в Средней Азии Шатлыкский газоносный район.

В Азербайджане флотилия блуждающих буровых стала верным помощником разведчиков моря, она ведет сегодня поиски горючего по всему Каспию.

Любит штормовать бурный Каспий, но морские нефтяники добывают две трети топлива всей республики.

Сейчас в Баку прибыли буровые установки, сооруженные астраханскими корабелами. Они способны работать на глубинах моря до 200 метров. Это почти втрое больше, чем было доступно нефтяникам раньше.

Идет бригада В. Погадаева

Буровая вышка в Юго-Восточных Каракумах.

Полупогруженная буровая установка «Шельф-1» у причала в Бакинской бухте.

ГИТА БАНЕРДЖИ

МОЙ ДРУГ БОББИ

Рисунки К. Почтенной

— Если твой медведь еще раз тебя укусит, ему у нас не жить, — объявила Бина.

— Нет, нет, нет, — быстренько ответила я. — Я его приучу к порядку. Вот увидишь, я его воспитаю лучше, чем ты воспитываешь меня.

Джамаи-бабу, который слышал наш разговор, засмеялся.

— Посмотрим! Но ты учти: Бобби — бирманский медведь, а ты умеешь говорить только по-бенгальски. Как быть? Языковый барьер!

Бина хихикнула, я поняла — все будет хорошо!

Джамаи-бабу привел плотника, и тот часа за два построил отличный дом для медвежонка. В нем была дверь из проволочной сетки и предостаточно места.

Теперь нужно было приручить его.

— Бобби-и-и! — позвала я.

Медведь, не вставая, обратил ко мне красные глазки. Потом снова опустил голову на лапы, звякнул цепью и тяжело задышал. Он тосковал...

И все же к концу дня медвежонок успокоился, поел, после еды зарылся головой в передние лапы и заснул.

Я сидела на корточках и смотрела, как спит Бобби. К нам тихонько подошла овчарка Джил, заглянула мне в глаза: «Не надо рычать?»

— Нет.

3.

Вот уже месяц, как медвежонок поселился в нашем доме, а по-прежнему не хотел прилично вести себя: кусался, рычал на всех, грыз и рвал все, что мог.

Однажды я привязала его к дереву, а сама села со школьным учебником у окна. Вскоре пришел учитель.

Только мы начали решать с ним примеры по арифметике, как со двора послышались медвежий рев и верещание попугаев. Птицы сидели у нас в клетке во дворе, и чуть где какой скандал, принимались орать во все горло.

Я выбежала во двор. Около медвежонка прыгала наша домашняя обезьянка Руни, медвежо-

---

Окончание. См. «Костер» № 2, 1982 г.

нок рычал и старался достать ее лапой, а попугаи орали человеческими голосами:

— Что за шум! Что за шум!

Я загнала медвежонка в будку.

В это время из окна высунулась Бина:

— Мина, ты где?.. Учитель зовет! Вот подожди, придет с работы Джамаи-бабу! Гнать надо этого медведя!

Бобби, словно поняв, что весь шум из-за него, зло посмотрел на Бину и спрятался в будку.

Я вернулась в комнату. Учитель сначала отчитал меня, а потом дал задание: переписать пять раз все примеры.

Я вышла на крыльцо провожать его. И надо же так случиться: Бобби снова вылез из будки. При виде учителя, он зарычал и встал на задние лапы.

Учитель испугался, хлопнул калиткой и ушел.

И тут случилось самое ужасное: медвежонок отцепил кольцо, в которое была ввязана его цепь! Волоча цепь за собой, он прыжками отправился обследовать двор и дом. С крыльца в первую комнату, во вторую. Здесь сидела Бина. Увидев медведя, она завопила и упала на кровать. Бобби испугался, гремя цепью заметался по комнате, вскочил на стол, со стола на подоконник, оттуда на книжный шкаф. Книги полетели в разные стороны. Рухнула цветочная ваза, из нее полилась вода...

Стукнула калитка.

— Что случилось? — завопил Джамаи-бабу. Это он вернулся с работы.

Джамаи-бабу бушевал. Накричав на меня, он принялся гнать медведя со шкафа, вытянул Бобби палкой раз... другой. Медведь бросился бежать! Наконец он выбился из сил, мы с Джамаи-бабу поймали его и снова посадили на цепь.

— Теперь все против тебя, Бобби!

Я понимала, дни медвежонка в нашем доме сочтены. Его отдадут кому-нибудь или продадут в зоопарк. Но случилось все по-другому.

4.

Я хорошо запомнила этот день.Он начался так: меня разбудил птичий гомон. Я лежу в своей комнате. На залитом солнцем подоконнике яростно ссорятся воробьи. У изголовья кровати сидит отец. Почему он так неожиданно приехал из Рангуна? Увидев, что я открыла глаза, сказал печально и быстро:

— Началась война!

И сразу же вся наша жизнь пошла кувырком. В полдень объявили воздушную тревогу, над Мандалаем в голубом небе проплыли два белых пятнышка — японские самолеты-разведчики.

Поползли слухи — один страшнее другого, говорили, что японцы уже перешли границу и быстро наступают. Что иностранцев всех убивают. Европейцы стали отправлять свои семьи самолетами. Уехали и почти все наши соотечественники-бенгальцы.

Через день пришла телеграмма: отца отзывали в Калькутту. Он сказал:

— Пора собираться, поедешь со мной, Мина!

— Она поедет с нами! — сказал Джамаи-бабу. — Не беспокойся, мы доберемся до Рангуна, а оттуда — пароходом в Индию.

Отец, скрепя сердце, согласился и уехал. Прощаясь, он так смотрел на меня, будто видел последний раз в жизни.

Через четыре дня японцы бомбили город. О приближении самолетов объявили по радио. Какая поднялась паника! Люди бессмысленно бегали по улицам, таскали взад-вперед узлы и чемоданы.

Вдруг завыла плачущим детским голосом сирена. Небо потемнело от японских самолетов. Вокруг загрохотало. Это рвались бомбы.

Японцы все бросали и бросали их, все ходило ходуном — и дома и земля. Мы метались взад-вперед под жалобные стоны животных и крики попугаев:

— Держи вора, держи вора!

С этого дня ввели затемнение. По ночам опять выли сирены тревог. Они выли все чаще, и мы теперь только и знали, что бегать в бомбоубежище и сидеть там часами, трясясь от ужаса.

Началось обсуждение планов отъезда. Мы сидели за столом и рассуждали, как лучше уехать.

Вдруг Джамаи-бабу грохнул кулаком по столу.

— Вот что, — сказал он. — Это моя страна! Пускай я бенгалец — какое это имеет значение. Я здесь родился, мне Бирма как мать. Я должен бросить ее? Нет, я не уеду! Посажу вас в Рангуне на пароход и останусь. В конце концов, в армии нужны и юристы...

...Мы уезжали утром следующего дня. Решили, раз поедем на аэродром через лес, по дороге выпустим на свободу Бобби. Вещей мы не брали — знали, в самолеты берут только беженцев. Скоро прекратятся и рейсы. Если задержаться — придется уходить пешком. В Мандалае оставаться было нельзя: по слухам, японцы объявили, что они сотрут Мандалай с лица земли.

Перед рассветом мы в последний раз накормили животных.

Бобби я кормила сама. Поев, он лизнул меня в лицо. Я почувствовала, что сейчас заплачу, и чтобы сдержаться, тихонько шепнула:

— Бобби!

Медвежонок, урча, придвинулся еще ближе.

Когда уводили собак, мы старались не смотреть на них. Овчарки забыли свои изысканные манеры и вели себя, как обыкновенные дворняги: чуяли беду, били хвостами и жалобно повизгивали.

Медведя усадили на повозку.

Абдул погладил его по носу и сказал:

— Домой едешь, парень, в лес.

— Тронулись! — приказал Джамаи-бабу. — Неизвестно, когда доберемся.

Все уселись в машину. С нами уезжал Джефферсон, а провожал Абдул, совсем как в тот день, когда ехали на охоту.

Повозку с медведем прицепили к машине. Все было готово. Джамаи-бабу включил зажигание.

Когда машина тронулась, Бина зарыдала.

Мы двигались со скоростью миль пять в час, то и дело останавливаясь из-за пробок на улицах. Горели дома, улицы были завалены обломками, среди них бродили плачущие люди. Шел уже четвертый час дня, а мы только-только выбрались на окраину Мандалая.

Покинув город и углубившись в лес, Джамаи-бабу остановил машину, вышел и, повернувшись к нам, приказал:

— Гоните их!

Вместе с медведем мы привезли Руни и попугаев. Их выпустили из клеток.

Наступил черед Бобби.

Он поднялся на задние лапы и показался мне таким огромным, что мое сердце замерло. Белый треугольник на его груди блестел.

— Пошли, Бобби! — сказала я, взяв поводок.

И вдруг Бобби ринулся в лес, увлекая меня за собой.

В густых зарослях я отстегнула ошейник, сняла цепь и приказала, стараясь говорить грубым голосом, как Джамаи:

— Ступай в лес.

Медвежонок не двигался. Позади затрещали кусты — следом за нами шел Абдул.

Бобби не шевелился.

— В машину! — раздался голос Джамаи. — Мы не можем терять времени.

— Мина, скорей! — крикнула Бина.

— Скорее! — повторил Джамаи.

Я стояла в каком-то оцепенении.

И тут к нам подошел Абдул.

— Иди в машину, моя девочка, — сказал он хрипло.

Как во сне, не оглядываясь, я побрела к машине.

— Поехали!

Абдул догнал меня и уже на ходу тоже впрыгнул в машину. Я выглянула и увидела, что следом за нами мчится Бобби. Машина резко затормозила.

— Надо испугать его выстрелом, Джефферсон! — сказал Джамаи, и тот опустил руку под сиденье.

Бобби был совсем рядом. Я увидела, что Джефферсон уже вскинул винтовку.

— Не стреляйте! — завопила я.

Рука Абдула осторожно легла на ствол.

— Прошу вас не стрелять! — вежливо сказал он. — Я пойду с ним.

Наш Джамаи замер в изумлении.

— Простите меня, сахиб! Но я ухожу от вас. Я возьму с собой Бобби и позабочусь о нем. Прощайте!

Абдул коротко отсалютовал рукой, повернулся и зашагал навстречу Бобби.

Бобби не сразу понял, что происходит. Увидев приближающегося Абдула, он поднялся на задние лапы и с громким рычанием устремился в джунгли.

Абдул догонял Бобби. Прежде чем они успели соединиться, их скрыла от нас плотная стена зелени.

Перевела с хинди М. САЛГАНИК

1932 СТРОКИ ИЗ ЛЕТОПИСИ 1940

ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД 1932-й

«Миллионы детей под руководством партии и комсомола приобщились через пионерское движение к новой общественной жизни и вошли в ряды активных строителей социализма».

Из постановления ЦК КПСС «О работе пионерской организации» в связи с десятилетием со дня рождения первых пионерских отрядов

По призыву ЦК ВЛКСМ пионеры и школьники городов начали сбор книг для сельских ребят. К 27 июня было собрано 85 500 книг.

Выполняя свой пионерский долг, погиб Павлик Морозов — председатель совета пионерского отряда села Герасимовка Свердловской области.

1933-й.

На колхозных полях Харьковской области несли службу 2500 дозорных пионерских постов.

Из колосков, собранных пионерами, колхозы намолотили 874 659 кг зерна.

1934-й.

Раньше я жила в деревне и видела, как трудно колхозникам работать на бороне. Им приходилось пешком ходить за трактором по рыхлой земле. А еще останавливать трактор, поднимать бороны и руками очищать их от корневищ и мусора. И я подумала: а почему не изобретут такую машину, которая облегчила бы работу. С тех пор я стала думать, как изобрести такую тракторную прицепку, на которой колхозник мог бы ездить, как тракторист на тракторе, и борону очищать на ходу, без остановки.

В 1934 году я переехала в г. Челябинск и пошла на детскую техническую станцию. Было очень трудно, я несколько раз чертила и переделывала проект, но своего добилась. И мне, четырнадцатилетней пионерке, дали настоящее авторское свидетельство, а прицепную борону стали делать на заводах. Она так и называется «борона Нагорных».

Из рассказа пионерки Раи Нагорных

1935-й.

Руками пионеров г. Тбилиси построена первая в мире детская железная дорога. Право работать на дороге имеют только отличники учебы. Все юные железнодорожники при исполнении «служебных обязанностей» носят железнодорожную форму. Они хорошо знают свое дело и поддерживают строгую дисциплину и порядок...

За хорошую учебу и помощь колхозу в сборе хлопка пионерка Таджикистана Мамлакат Нахангова награждена орденом Ленина, а пионеры Узбекистана Ишан Кадыров и Хавахан Атакулова — орденом «Знак Почета».

1936-й.

Живем весело — каждый день что-нибудь интересное. Несколько раз были в Гурзуфе. Осмотрели дом, в котором жил Пушкин. Ходили на горное озеро, а старшие ребята поднимались на гору Роман-Кош.

У нас было три костра. На первом выступал летчик Доронин, на второй приезжала знатная свекловодка страны Мария Демченко, а на последний — Корней Чуковский....

Из письма артековки Маргариты Юшиной

1937-й.

Отряду имени Дзержинского — дружина школы № 325 Москвы — за успехи в пионерской работе и крепкую дружбу с зарубежными ребятами вручено знамя испанских пионеров. На знамени написано: «Русским пионерам от каталонских братьев».

1938-й.

В Крыму, в Коктебеле, в честь 20-летия ВЛКСМ проходил XII Всесоюзный слет юных авиамоделистов.

В дни слета установлено 15 новых рекордов: 11 всесоюзных и 4 мировых.

Пионерка Косткова Аня из города Сучана за помощь бойцам и командирам, раненным в боях с японскими захватчиками у озера Хасан, награждена медалью «За боевые заслуги».

1939-й.

Проведены Всесоюзные соревнования пионеров и школьников по оборонной работе. Первое место завоевала команда школьников железнодорожных школ. Победители получили знамя Народного комиссариата обороны, хрустальный кубок и денежную премию.

1940-й.

Пионеры 13-й школы Ленинграда провели сбор у памятника В. И. Ленину, установленного у Финляндского вокзала. Ребята слушали рассказ о том, как Ильич приехал в апреле 1917 года в Петроград и выступал с броневика перед рабочими, солдатами и матросами.

Закончился поход юных туристов города Ярославля по чапаевским местам. Путешествие продолжалось 27 дней. Ребята побывали в Чапаевке, Бузулуке, Уфе, встречались с боевыми друзьями Василия Ивановича и побывали в домах, где находился штаб Чапаева.

„ОТВЕТСТВЕННЫХ РЕДАКТОРОВ *не требуется*...“

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

А. ЗВЕРИНЦЕВ

Рисунки И. Дяткиной

Над столицей Российской империи плывет тихая весенняя ночь.

Санкт-Петербург спит.

И только на окраинах города в цехах огромных заводов и фабрик, в железнодорожных мастерских и депо идет горячая безостановочная работа. Не спят булочники, типографские рабочие, печатающие газеты...

...Звонко простучали по мостовой кованые копыта. Проехал полицейский наряд. Свернул на Ивановскую и остановился у здания с вывеской «Типография товарищества «Художественная печать» П. В. Березина».

Заспанные городовые слезли с сытых коней.

— Открывайте... Полиция! — забарабанил в дверь пристав.

В печатный цех, где все гудело и громыхало, ворвался мальчишка — ученик печатника и бросился к усатому человеку с трубкой во рту.

— Константин Степанович!.. Дядя Костя... там полиция...

Дядя Костя спокойно вынул изо рта трубку, пустил облачко дыма и оглядел цех.

Стремительно и ловко работала печатная машина, выпускавшая большевистскую газету «Звезда». Почти весь тираж был уже отпечатан.

Другая машина никак не запускалась. Рвала бумагу. Вокруг нее стояли рабочие, еще с вечера пришедшие в типографию, чтобы первыми унести на свои заводы пахнущие свежей краской листки нового большевистского издания.

Городовые ворвались в печатный цех и сразу — к машине, где печаталась «Звезда». Точно по команде, стали хватать свежие газетные оттиски, совать в брезентовый мешок.

Размахивая постановлением Петербургской судебной палаты, пристав выкрикнул:

— Газета «Звезда» закрывается!

Городовым наконец удалось выключить печатную машину. В цехе стало непривычно тихо. Только у соседнего ротатора несколько печатников шуршали бумагой, настраивая машину.

— Погасла «Звездочка»... — произнес кто-то негромко.

И вдруг цех будто ожил. Снова наполнился привычным шумом. Это пошла, заработала, весело застучала неисправная доселе машина. Первый сырой оттиск новой газеты соскользнул на руки ожидавших рабочих... Начала свой долгий, нелегкий боевой путь новая газета большевиков «Правда».

Это было 22 апреля 1912 года.

5-го мая по новому стилю...

Этому историческому событию предшествовала огромная подготовительная работа В. И. Ленина и всей партии большевиков.

У ПАНА МЫШКИ

В начале января в пражской гостинице «Мышка» появился новый постоялец — невысокий плотный человек с небольшой бородкой. На нем было легкое пальто, кепка. В руках коричневый саквояжик.

Предъявив документы на имя австрийского гражданина Майера, он аккуратно расписался в книге приезжих.

— Для пана имеется великолепный двухкомнатный номер — гордость гостиницы, — гостеприимно улыбнулся хозяин пан Мышка.

— Нет, нет... пану что-нибудь попроще.

Пана Мышку это явно огорчило.

— Попроще будет стоить 1 крону 60 геллеров в сутки...

— Это мне подходит, — согласился приезжий.

— По утрам прикажете булочки... молоко, сливки?

— Нет, спасибо. Пожалуйста, только газеты... И, если можно, настольную электрическую лампу.

— Пан будет вечерами работать?

— Да. Иногда, пожалуй, придется.

— Вот это я понимаю, — одобрительно закивал пан Мышка. — Люблю образованных людей.

Приезжий прошел в номер, разделся, повесил пальто и кепку в шкаф.

Был он в поношенном коричневом костюме-тройке, лысоватый, с маленькой рыжеватой бородкой. Карие, с прищуром глаза.

— Ну-с, здесь, кажется, действительно тихо и можно работать, — произнес он, потирая красные с мороза руки и входя в комнату.

Комната была чуть темновата. Посреди стоял квадратный стол, покрытый желто-зеленой скатертью, графин с водой, стакан, пепельница.

Из окна открывался вид на аллею с оледенелыми черными деревьями, склонявшимися под ветром.

В дверь постучали.

На пороге стоял пан Мышка. В руках он держал настольную лампу с оранжевым матерчатым абажуром.

— Специально для вас, пан Майер...

Наблюдательный пан Мышка заметил: его постоялец пан Майер стал возвращаться гораздо позднее, чем в первые дни после приезда. Теперь он выглядел усталым. Лицо побледнело, осунулось.

Пану Майеру бы лечь спать, а он опять допоздна ходит по комнате, все о чем-то разговаривает с собой, записывает.

Встретив пана Майера, когда тот, усталый, поднимался к себе в номер, пан Мышка вежливо заметил:

— Прошу прощения, пан Майер, но вы не должны столько работать... Сердце человека — хрупкий инструмент...

Пан Майер удивленно посмотрел на Мышку. Усталое лицо его вмиг оживилось, в глазах засветилась хитрая улыбка.

— Вот как! Вам кажется, что я много работаю... Ну что ж, пожалуй, вы правы... И знаете, что я сделаю, следуя вашему совету, пан Мышка?

— Вы отдадите мне настольную лампу и будете рано ложиться спать, как это делает каждый добрый католик, — предположил пан Мышка.

Пан Майер расхохотался.

— Нет, не угадали, пан Мышка, в следующий раз, может быть, завтра, я отправлюсь на каток.

— О, Иезус Мария, — покачал головой Мышка, — разве можно, чтобы такой ученый господин катался на коньках, как какой-нибудь подмастерье...

Разговор с Мышкой развеселил пана Майера, и в этот вечер он работал у себя в номере особенно успешно.

И еще кое-что заметил хозяин гостиницы: с некоторых пор сюда зачастил пан Винклер.

Приходил пан Винклер уже под вечер, садился с газетой за маленький столик у стойки и ждал, пока пан Мышка не освободится. И тогда оба начинали яростное сражение на шашечной доске.

Эти вечерние визиты пана Винклера почему-то были не по душе пану Мышке, хотя он с нетерпением поджидал вечера, чтобы сразиться с Винклером в шашки. Вечерами Мышку мучила скука.

Нехороший глаз у этого Винклера, решил про себя пан Мышка, и всегда после вечера, проведенного с Винклером за шашками, тщательно мыл лицо с мылом — от сглаза.

Вот и разберись, думал Мышка: пан Майер, похоже, в бога совсем не верит, а глаз у него хороший, добрый. А пан Винклер — секретарь общества «Православная беседа» — но с ним хоть темные очки надевай.

Когда в одно ветреное утро пан Майер, поблагодарив за гостеприимство пана Мышку, объявил, что покидает Прагу, хозяин гостиницы решил, что это определенно «сглаз» пана Винклера.

Расплатившись за номер, Майер уехал.

А вечером случилось уже совсем что-то невообразимое.

Поздно вечером в дверь сильно забарабанили.

— Успеете, не пожар! — крикнул стучавшим пан Мышка, однако в тревоге поспешил к двери. Вытащил засов.

И... о, Иезус Мария... В гостиницу ворвались полицейские.

— Кто у тебя в восьмом? — рявкнул старший.

— В восьмом? — медленно соображая, переспросил пан Мышка. — В восьмом у меня пан Майер...

— Он такой же Майер, как я Иисус Христос или ты — Ян Жижка, — хмыкнул старший полицейский и крикнул: — Взять!

— Не можно взять, пан полицейский, — пришел в себя пан Мышка. — Пан Майер сегодня утром уехал из Праги...

— Как так уехал? — не поверил полицейский. — Обыскать номер!

Когда полицейские уходили, пан Мышка спросил у старшего:

— Будьте любезны, пан полицейский, кого же вы все-таки ловили. Кто он, этот пан Майер?

— Ох, и тугодум ты, пан Мышка, — покачал головой полицейский. — И как ты этого Майера сразу не раскусил. Это же Ленин.

— Ленин? — переспросил пан Мышка.

— Ну да, Ленин.

Кто такой Ленин, пан Мышка не знал.

Он узнал об этом только тогда, когда в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция.

ОТЪЕЗД

Сотрудник пражской газеты «Право лиду» Вацлав Вацек сидел за своим рабочим столом и просматривал подготовленную к печати статью.

До отхода поезда «Прага—Берлин» оставалось еще более часа.

Вацек взял лежащую на краю стола свежую газету. В глаза бросился заголовок: «Ограбление кассы в магазине семян».

«Сегодня ночью дерзкие грабители навестили оптовый магазин семян «М. Лаубер-сын» в доме номер 7 по Соукеницкой улице, взломали несгораемый металлический сейф и выкрали значительную сумму денег. Пока не обнаружено никаких следов. Злодеи работали умело и быстро, так что и речи не может быть о каких-то новичках. Пока нельзя сказать, не принадлежат ли они к международной шайке, не исключено также, что это те же самые преступники, которые уже в течение нескольких месяцев периодически совершают подобные ограбления касс...»

Прочитав заметку, Вацек крепко задумался. Сообщение об ограблении кассы неприятно подействовало на него. Нет, он не был ни хозяином, ни совладельцем магазина семян «М. Лаубер-сын». Он даже никогда не был в этом магазине. Однако описанное происшествие сильно взволновало его.

Вацек еще раз перечитал последние строчки сообщения: «Пражская служба безопасности немедленно приняла необходимые меры по розыску неизвестных грабителей, однако до сих пор не удалось напасть на какой-нибудь след».

— Скверно, — произнес Вацек, отбрасывая в сторону газету, — ах, как скверно!

— И я говорю, скверно, — поддержал Вацека сидящий за соседним столом пан Гаек. — Грабителей развелось неимоверно... Помню, однажды...

— О чем это вы, пан Гаек? — непонимающе уставился на соседа Вацек.

— Да все о том же, об ограблении...

— Ах да... о краже, действительно, — закивал головой пан Вацек, — неприятно, очень неприятно, что это случилось именно сегодня.

— Вчера, пан Вацек, вчера, — поправил пан Гаек.

— Не вчера, а именно сегодня, — стоял на своем пан Вацек. — Именно сегодня. Ну, да вам, пан Гаек, все это знать совершенно не обязательно, — решительно вставая из-за стола закончил пан Вацек. — Счастливо оставаться. Если спросит редактор, скажите: пошел выпить кофе.

Пан Вацек надел свою теплую куртку, натянул кепи и быстро вышел из кабинета.

У Вацлава были серьезные причины для беспокойства.

Буквально вчера подошел к нему товарищ Гавлена и говорит: «Вацлав, вот деньги, тебе нужно сходить на вокзал и купить для одного русского билет до Дрездена».

Вацек знал, что в эти дни в Праге конспиративно проводили свою конференцию русские товарищи и оказывать им помощь было святой обязанностью чешских социал-демократов.

Гавлена продолжал: «Возьмешь билет и иди на перрон. Никого там не ищи. Не оглядывайся по сторонам, а иди прямо в вагон. Главное, держись неприметно. Билет и оставшиеся деньги передашь тому, кто войдет следом за тобой...»

И вдруг это дурацкое ограбление. Пражская полиция наверняка взяла под контроль все международные экспрессы. Вот уж не повезло этому уезжающему русскому...

Шагая на вокзал, Вацек размышлял над тем, как бы ему предупредить русского товарища о случившемся. Пусть будет предельно осторожен. И главное, чтобы знал: ищут не его, а грабителей.

Предупредить нужно было обязательно. Но как?

В двух словах не объяснишь. А больше двух слов во время передачи билетов он сказать не успеет.

— Суну ему газету, — вдруг сообразил Вацек. — Он поймет. Должен понять.

На перроне было многолюдно.

Вацек прошелся вдоль вагонов. Остановился около паровоза.

Паровоз был сильный, большой, горячий. Темный его котел маслянисто блестел. Откуда-то снизу, из-под множества малых и больших красных колес, струился пар.

Началась посадка. И тут Вацек заметил коренастого русского с небольшой бородкой. Тот неторопливо шел по перрону. В руках — темный саквояж. Вацек видел этого человека в Народном доме на конференции.

Как и было условлено, Вацек пошел к вагону, Краешком глаза он видел — русский идет следом.

«Деньги и билет передашь тому, кто войдет сразу за тобой», — вспомнил Вацек указания товарища Гавлены.

В вагоне Вацек оглянулся. Рядом стоял русский товарищ с бородкой, в коричневой кепке.

Вацек, улыбнувшись, протянул ему билет, деньги и свернутую таким образом газету, чтобы сообщение об ограблении сразу бросилось русскому в глаза.

— Прочтите это, — кивнул Вацек на выделенный жирным шрифтом заголовок заметки.

Русский несколько удивился газете, однако тут же улыбнулся, пожал Вацеку руку и вошел в четвертое купе.

В купе никого не было. Устроив свой саквояж в сетке для мелких вещей, пассажир удобно уселся у окна и стал читать — заметку, на которую, как ему показалось, хотел обратить его внимание провожавший товарищ.

В это время на пороге появился новый пассажир.

— Могу ли я присесть рядом? — спросил по-немецки вошедший.

— Да, да, пожалуйста, — ответил пассажир с газетой.

Новый пассажир поблагодарил, повесил котелок на вешалку, снял пальто и уселся напротив.

Поезд неслышно тронулся. Поплыл мимо перрон... Носильщики в фуражках... господа в котелках... Прощай, Прага.

Некоторое время ехали молча.

Наконец русский, протягивая соседу газету с заметкой, спросил:

— Читали?

Сосед взглянул на заметку.

— Это об ограблении? Как же, как же, читал... Похоже, действует какая-то международная шайка... — сказал он.

«Так вот оно в чем дело, — догадался русский. — Товарищ хотел меня предупредить, что, возможно, полиция устроит проверку документов... Что ж, архиважное предупреждение. Весьма».

Русский сидел, погруженный в свои мысли. Мысли были приятные.

Созванная большевиками в Праге партийная конференция прошла успешно.

Впервые после поражения революции 1905 года сделан значительный шаг вперед. Главное, удалось возродить партию, ее Центральный комитет. Теперь вперед! Теперь за дело. Поднимать, организовывать, сплачивать рабочий класс для решительной борьбы с царизмом, с буржуазией. Этому значительно поможет ежедневная рабочая газета, которую решено создать в Петербурге...

...В купе заглянул проводник и объявил, что поезд прибывает в Дрезден.

«Доехали, кажется, без происшествий». Русский попрощался с соседом, который ехал до Берлина, взял свой саквояж, надел пальто, кепку и вышел на перрон.

С соседней платформы уходил поезд на Лейпциг. Туда-то и поспешил русский.

Утром в помещении газеты «Лейпцигер Фольксцайтунг» ему предстояла встреча с петербургским большевиком Николаем Гурьевичем Полетаевым.

ВСТРЕЧА В ЛЕЙПЦИГЕ

К платформе огромного Лейпцигского вокзала поезда подошли почти одновременно.

Скорый из Дрездена, на котором приехал из Праги пассажир в коричневой кепке. И скорый из Берлина, который привез питерского большевика, члена Государственной думы Николая Гурьевича Полетаева.

Правда, поезд из Дрездена пришел чуть раньше, и пассажир, прибывший из Праги, попал в помещение, отведенное немецкими товарищами для встречи, минут за десять до прихода Полетаева. Он даже успел выпить стакан чаю и съесть бутерброд.

Полетаев в это время отыскивал здание издательства «Лейпцигер Фольксцайтунг».

Наконец Николай Гурьевич нашел нужного товарища, назвал пароль. Полетаева сразу провели в кабинет, где его с нетерпением ждали.

— Ну, здравствуйте, батенька, — стремительно поднялся ему навстречу невысокий, лысоватый человек с небольшой бородкой. — Как вы добрались? Наверное, только что с поезда... давайте чаю, а? — Он показал на стакан, прикрытый перевернутым блюдцем. Рядом на таком же голубом блюдце лежал бутерброд с ветчиной.

— Спасибо, Владимир Ильич, я уже на вокзале позавтракал.

— Э-э... вижу по глазам: не завтракали...

Ленин обнял Полетаева за плечи и усадил за стол.

— Ну, ладно, — согласился Полетаев, — разве что горяченького...

Разговор у них предстоял чрезвычайно важный. Партия поручала Полетаеву организовать в Питере выпуск «Правды». Ежедневной рабочей газеты большевиков.

У Николая Гурьевича уже был опыт: он издавал в Петербурге большевистскую газету «Звезда». Царское правительство, напуганное революцией 1905 года, хоть и разрешило выпускать газету, в которой рассказывалось о тяжелой рабочей жизни, однако постоянно штрафовало, на-

кладывало на газету чуть ли не через день аресты. Полетаев умел обходить бесчисленные полицейские рогатки.

Николай Гурьевич Полетаев к тому же был членом Государственной думы, куда его выдвинули рабочие, и пользовался парламентской неприкосновенностью. Жандармы не могли так просто взять и арестовать его, как любого смертного.

Владимир Ильич изложил Полетаеву мнение Центрального Комитета партии о том, какой должна быть новая газета.

— Это должна быть газета всего российского пролетариата, — говорил Ленин. — Она нужна для того, чтобы сплотить рабочие массы, подготовить их к борьбе за свободу. Газета нужна партии, чтобы через нее руководить борьбой рабочих. Для того, чтобы рабочие были постоянно и крепко связаны с партией большевиков.

Владимир Ильич спросил, в чем видят главные затруднения при создании новой газеты питерские большевики.

— С деньгами плохо, — грустно сказал Полетаев.

— Гм, с деньгами... — Ленин заходил по кабинету. — У нас за границей тоже плохо с деньгами... Но газету надо во что бы то ни стало поставить к весне... Ежедневная рабочая газета в Питере — это сейчас основа всего. Это буквально самая насущная, самая важная очередная наша задача...

Он подошел к столу, за которым сидел Полетаев. Остановился.

— Денег нет! А вы обратитесь к рабочим. Они вам помогут... Именно так мне посоветовал на днях один ваш питерский рабочий... Да, да, да... Организуйте сбор средств среди фабричных и заводских рабочих.

Поговорили, кого привлечь к участию в новой газете.

— Мы уже обратились к Алексею Максимовичу Горькому, — сказал Ленин. Остановился. Чуть обернулся к Полетаеву. — Но самым главным писателем в новой газете — это архиважно для нас — должен быть сам рабочий.

В дверь постучали. Вошел немецкий товарищ.

— Я отшень извиняюсь, — сказал он, — но кто-то оповестил немецкий полиция о приезде русских геноссе. Вам нужно немедленно покидать Лейпциг.

— Николай Гурьевич, поезжайте, — сказал Ленин, обратившись к Полетаеву. — Я должен провести здесь еще две встречи. А вы поезжайте. Соберите наших и познакомьте их с мнением Центрального Комитета. Рабочая газета должна выйти не позднее нынешней весны. Со своей стороны, я буквально на днях выясню, сколько может выделить на газету партия. Желаю успеха.— Ленин протянул Полетаеву руку.

— Всего доброго, Владимир Ильич, — сказал Полетаев.

...На улице шел мокрый снег. Он лип на шляпу, слепил глаза, таял, попав за воротник.

— Вот чертова погодка, — сердился Полетаев. Но, с другой стороны, радовался: меньше шансов подцепить за собой «хвост». В конце концов, ведь шпики тоже люди. Тоже любят тепло. Сухую погоду. Солнце.

Сопровождавший Полетаева немецкий товарищ чуть тронул Николая Гурьевича за рукав...

— Шпитцель...

— Что? — не понял Полетаев.

— Хинтен... то есть, сзади гуляет шпион...

— Сзади идет за нами? — переспросил Полетаев, втайне надеясь, что речь идет о шпионе который, возможно, гуляет где-то позади, в городе.

Но немец подтвердил, что за ними прицепился «хвост».

— Давайте на углу разойдемся. Один — направо, рехтс. Другой — линкс, — предложил Полетаев.

— Так не надо, — покачал головой немецкий товарищ. — Шпион пойдет за вами. Сделаем лучше так. Заходим в магазин и кауфен... покупаем что-то... О, придумал! — он постучал себя пальцем по голове. — Мы купим коффр... чемодан... И потом пойдем рехтс и линкс, и я возьму чемодан... Тогда шпион бештимт... обязательно пойдет за коффр...

— Хитро, — согласился Полетаев. — Спасибо... данке...

Так они и сделали.

Как и предполагал немецкий товарищ, шпик увязался за ним. Еще бы! Красивый коричневый коффр вмиг смутил воображение шпиона.

Благополучно добравшись до вокзала, Николай Гурьевич сел на поезд и на следующий день был уже пассажиром скорого «Берлин—Варшава».

А уж там до Петербурга рукой подать.

ДЕНЬГИ ДЛЯ „ПРАВДЫ“

Николай Гурьевич Полетаев вернулся от Владимира Ильича в холодный завьюженный Петербург.

В голове неотступно вертелась все одна и та же мысль: «Деньги... Деньги... Где достать на новую газету деньги?»

Он вспомнил, в каких тяжелых условиях рождалась и постоянно находилась большевистская «Звезда».

Денег всегда не хватало. Да что там не хватало. Порою их просто не было. Нечем расплатиться за бумагу. Нечем заплатить типографским рабочим.

Буквально для каждого еженедельно выходящего номера «Звезды» ему приходилось, что называется, рыскать по городу, добывать деньги.

Деньги... Деньги... Деньги...

Если вечером, накануне выхода газеты, Полетаев не вручал деньги управляющему типографией — «Звезда» не выходила.

Последнее время из-за бесконечных штрафов, налагаемых на газету — очень уж хотели ее задушить царские приспешники, — стало и совсем плохо.

Всякий раз перед выходом «Звезды» дядя Костя — редактор-издатель Константин Степанович Еремеев — спрашивал Полетаева:

— Ну как, выходим или нет?

Порой, не зная, будут ли у него к вечеру деньги, Полетаев неизменно твердо отвечал:

— Обязательно выходим.

На следующий день после приезда в Питер, Полетаев собрал у себя на квартире ведущих сотрудников «Звезды». Рассказал о поставленной Владимиром Ильичем задаче: наладить выпуск ежедневной рабочей газеты.

— Сколько в нашем распоряжении денег? — тотчас последовал вопрос.

Николай Гурьевич на мгновение задумался. Сказать, что нет денег, то есть что деньги пока в проекте, нельзя — товарищи, натерпевшиеся в безденежье со «Звездой», просто разойдутся, и все. Решат: «Сперва наберем денег, потом и станем обсуждать план выпуска».

«И они будут не так уж неправы», — думал Полетаев.

По предварительному расчету, Николай Гурьевич полагал, что надо не меньше десяти тысяч рублей.

— Есть десять тысяч рублей, — сказал он и поглядел на товарищей.

— Маловато, брат...

— Маловато, — согласился Полетаев. — Но с этого можно начинать...

Весь вечер обсуждали, какой быть газете. Спорили, какими шрифтами набирать: мелкими — читать трудновато, крупными — меньше на страницу войдет. Качали головами. Разошлись далеко за полночь.

Результаты обсуждения Николай Гурьевич утром отправил Владимиру Ильичу.

Теперь предстояло заняться поиском средств на издание будущей «Правды».

По совету Владимира Ильича решили обратиться к рабочим. Полетаев — сам путиловский рабочий — верил: рабочие обязательно поддержат.

Едва в «Звезде» появилось сообщение о том, что создан «Фонд ежедневной рабочей газеты», как пошли, посыпались письма с петербургских заводов и фабрик, из промышленных центров России.

Откликнулись путиловцы, рабочие Невской заставы, Выборгской стороны...

3-го апреля «Звезда» напечатала письмо группы рабочих:

«Все передовые рабочие России с напряжением ждут, когда же, наконец, появится ежедневная рабочая газета. Мы не знаем точно, почему до сих пор не появилась объявленная в «Звезде» ежедневная рабочая газета. Но полагаем, однако, что главным образом из-за недостатка денег.

Откуда же взять средства? Больше, как от рабочих, не от кого. И вот мы предлагаем следующий план:

Пусть «Звезда» выпустит один номер не по цене в 5 коп., а по цене 15 или 20 коп. за номер...

Мы уверены, что рабочие раскупят этот номер в большом количестве и поддержат фонд своей ежедневной газеты.

Своя газета нужна нам как воздух, как вода. Поможем же всем, чем можем.

Перейдем от слов к делу! Создадимте свою ежедневную рабочую газету!»

Читая это письмо, Николай Гурьевич удивлялся. Удивлялся не тому, что рабочие так дружно взялись за создание своей газеты. Нет.

Он удивлялся тому, что Ленин, находясь за тысячи верст от России, от пролетарского Питера, Ленин, получающий лишь отрывочную информацию о рабочей жизни, — так поразительно точно чувствовал назревшую потребность российского пролетариата в своей газете.

В Лейпциге Владимир Ильич говорил Полетаеву:

«Вот увидите, они ее создадут — свою газету».

Выходило по-ленински.

Так первые два рубля рабочего Павла Погулянского, положившие основу фонда новой рабочей газеты, превратились в сотни, в тысячи трудовых пролетарских рублей.

Весной Владимир Ильич сообщил в редакцию «Звезды», что Центральный Комитет партии выделяет новой газете 3000 рублей.

Помимо этой суммы, к моменту выхода первого номера «Правды» в фонд новой газеты поступило еще около 4000 рублей.

Но трудности, всякие непредвиденные обстоятельства обступали Полетаева со всех сторон.

Кто-то усиленно ставил палки в колеса. Казалось, все идет по плану, и вдруг накануне выпуска — нет бумаги. С большим трудом удалось достать необходимую бумагу у вечерней «Биржевки» — была такая газетенка.

И вот настал этот день. Вернее, ночь.

К трем часам ночи 22 апреля (5 мая по новому стилю) 1912 года газета была сверстана, готова к закладке в печатную машину.

За окном редакционной комнатушки, где версталась «Правда», уже начинало светлеть небо. Наступал период знаменитых белых ночей.

Тускло светила свисавшая на длинном шнуре электрическая лампочка с эмалированным колпаком.

Все молчали.

— Ну, в путь! — Полетаев оглядел стоявших рядом товарищей, крепко пожал им руки и бережно понес первый номер «Правды», точнее, то, что, пройдя через печатную машину, должно было стать первым номером первой ежедневной рабочей газеты большевиков.

Вся лестница была занята дремавшими рабочими, пришедшими с заводов и фабрик. Они уже с вечера ожидали здесь выхода «Правды». Всем хотелось первыми принести к себе на завод, на фабрику, в мастерскую свою, рабочую «Правду».

Такую же картину увидел Полетаев и в машинном отделении. И во дворе.

Везде рабочие ждали «Правду».

Окончание следует

МИЛЛИОН И ДАЖЕ БОЛЬШЕ

Уральский город Лысьва стоит на берегу красивого озера.

Живут в Лысьве хорошие, умелые, мастеровые люди. Наш небольшой рассказ о Нине Ивановне Филипповой...

Делает Нина Ивановна не станки с программным управлением и не гигантские турбогенераторы, а эмалированные кружки, кастрюли, чайники, тазы, ведра, бидоны. И делает очень хорошо. Недаром Нине Ивановне присвоено высокое звание лауреата Государственной премии СССР.

За молоком вы с чем бегаете? В чем варенье варите? А кашу? А чай из чего пьете? В чем белье стираете? То-то же... Все это сделано руками Нины Ивановны, руками товарищей по работе, рабочими завода изготовлено.

Как делают эмалированную посуду, я от начала и до конца посмотрел. Никто и не догадывается, как это сложно. Завод, к примеру, большущий, по нему даже железная дорога проложена, и тепловозы толкают в одну сторону платформы с листовым железом, а в другую — вагоны с ящиками готовой продукции.

Листовое железо сперва режут в нужный размер. Валятся куски со звоном в короба вагонеток и тележек — какие на что, поменьше и побольше. На кружку — поменьше, на кастрюлю, скажем, побольше. Пресс ударит железо, выдавит углубление с блюдечко. Другой пресс добавит — блюдечко превратится в глубокую мисочку, третий ударит — из миски получится высокая банка. Это — заготовка для кружки. Сизая, дымящаяся, горячая от ударов. Пить из этой посуды еще нельзя. К банке приварят ручку. Пройдутся наждаком, чтобы не было зауseниц, неровностей, шероховатостей. Отмоют кислотами нагар, грязь и жир.

Вот тут-то посуда и попадает в бригаду Нины Ивановны.

В бригаде тринадцать человек. Одни грунтуют посуду, чтобы эмаль легла ровно и прочно. После грунтовки — сушка и обжиг в электропечах. Затем — самое ответственное дело, то, что превратит кружку или кастрюлю в посуду гладкую, белую, сверкающую, чистую. Одним словом — в эмалированную. Тут уж слово за Ниной Ивановной и остальными членами бригады.

Посуда нескончаемой вереницей движется, покачиваясь на крюках конвейера. Нина Ивановна берет кастрюлю (в ту смену шли трехлитровые кастрюли), и уходит на это всего одна секунда. Еще одна секунда — и кастрюля неуловимым движением ее руки покрывается снаружи шликером — жидкой эмалью. Еще секунда-движение — и шликер ровно растекся по наружным стенкам. Кастрюля поехала на сушку. Это не все: кастрюля вернется к Нине Ивановне. Снова три-четыре секунды — и кастрюля смазана шликером изнутри. Тут уж идет она окончательно на обжиг. Эмалированная посуда готова. Ее переложат стружками, запакуют в коробки и отправят в разные концы нашей страны. Все ведь хотят пользоваться красивой и прочной посудой...

Я попросил разрешения попробовать самому эмалировать посуду — самое простое — ободок на кружке. Мне разрешили. Взял кружку, макнул палец, провел по краю. И поползли по белой как снег эмали черные капли... Брак! Испортил кружку!

А Нина Ивановна сказала:

— Лучше всего эта работа получается у женщин: они внимательны и аккуратны. Потому-то эмалировщицами и работают только женщины и девушки...

Я спросил Нину Ивановну:

— Сколько же вы за свою рабочую жизнь сделали всего посуды?

— За двадцать восемь-то лет? — Нина Ивановна подумала, посчитала. — Если все перевести в среднем, скажем на кружки, то получится больше миллиона!

О. ОРЛОВ
Фото Б. Гесселя

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 26-й

КАК КРЕЙСЕР УШЕЛ ОТ ФАШИСТОВ

Иван и Андрей были друзьями детства. Вместе в деревенскую школу бегали. Вместе на флот служить пошли. Только вот незадача: Андрея послали на крейсер, а Ивана на... землечерпалку. Правда, землечерпалка работала в порту, и Иван носил форму военного моряка, но когда встречался с Андреем на берегу, сокрушенно махал рукой:

— А, невезучий я...

Великая Отечественная война застала крейсер в Рижском заливе. Залив, если посмотреть на карте — как мешок с двумя горловинами. Одна— пошире — Ирбенский пролив, другая — поуже — Мухувайн. Между ними — остров Даго. Все корабли ходят глубоким Ирбенским проливом. Мухувайн — мелководен.

Этим и воспользовались фашисты: минировали Ирбенский пролив, закрыли его наглухо... По радио они объявили всему миру: «Красный крейсер попался в мышеловку! Через три дня наши танки выйдут к берегам Рижского залива!»

Но три дня разве мало?

Ночь... Тихий и темный стоит под берегом крейсер. Борт о борт с крейсером стоят мелководные баржи. Как муравьи снуют люди — сгружают с крейсера все, что можно: снаряды, мешки с крупой, ящики с галетами...

Каждые полчаса офицеры докладывают командиру: «Выгружено топливо! Крейсер поднялся на четверть метра... Откачали всю пресную воду! Осадка около шести метров. Выгружены продукты, бочки с краской, корабельная библиотека. Осадка — пять с половиной метров!

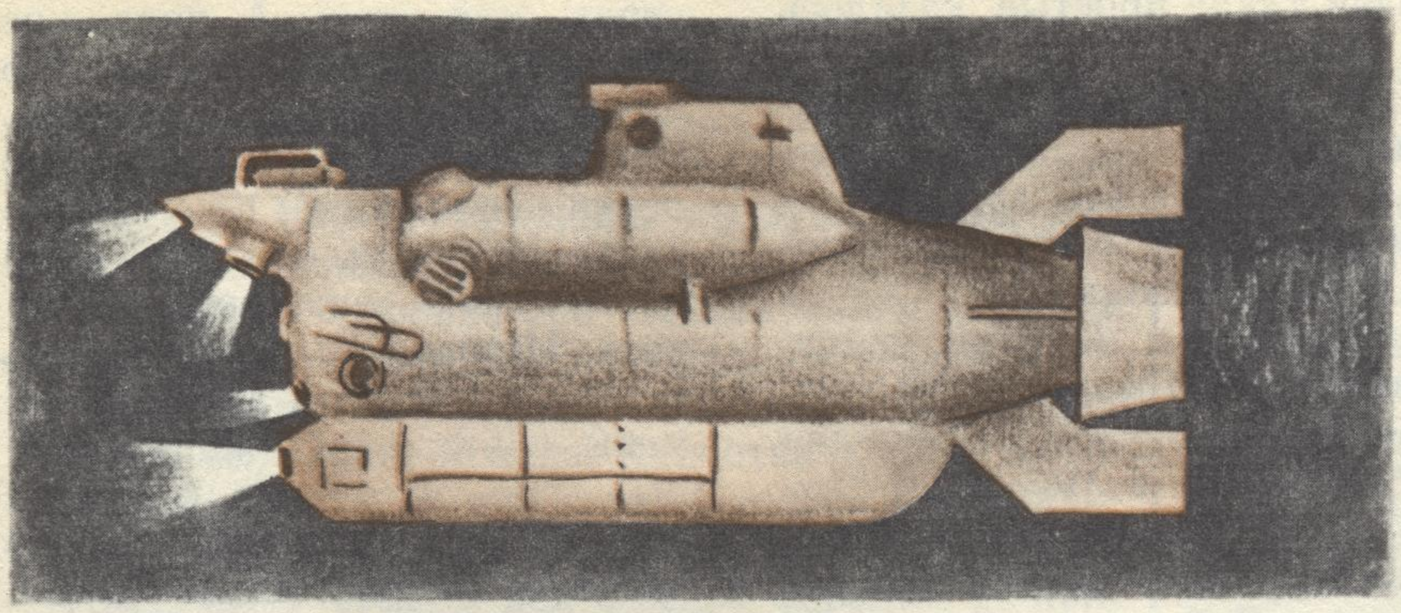
И тут возле борта крейсера послышалось мерное сопение старых паровых машин. Землечерпалка пришла на помощь! Завели моряки тяжелые якоря, и пошла она подтягиваться на стальных канатах, пошла вгрызаться в дно' зубчатыми черпаками. Что ни час — десяток метров фарватера...

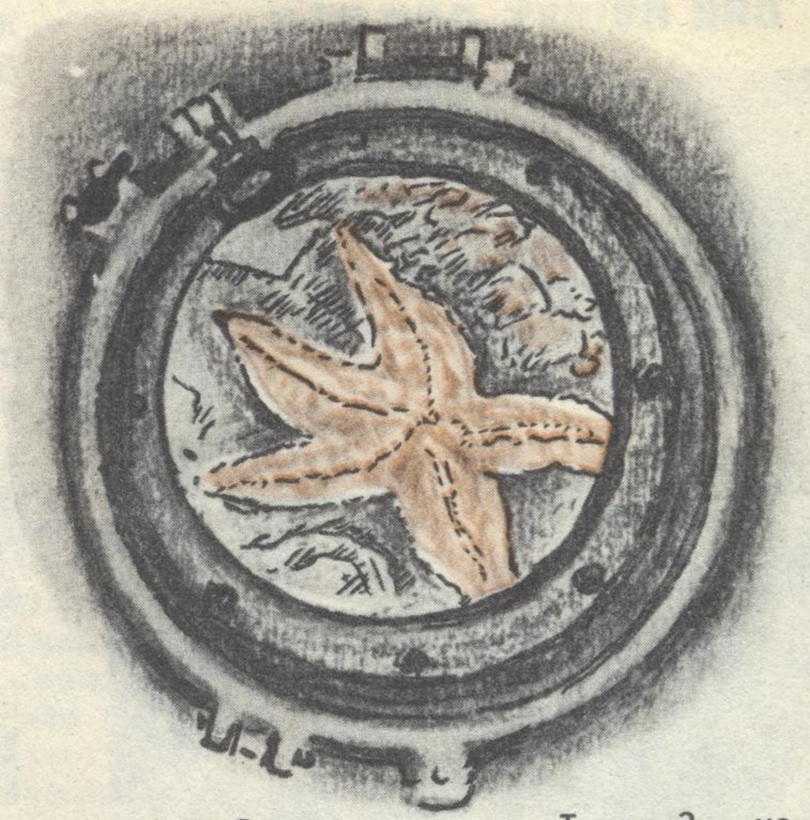
День прошел. Фашистские самолеты-разведчики докладывают: «Крейсер стоит под берегом». Два дня прошло. То же самое... А на третий день хватились фашисты, нет крейсера... Никак не могли они в толк взять, что крейсер смог пройти мелководным проливом. Все кружили их самолеты над заливом, искали...

В последний раз увидел Ивана Андрей с палубы крейсера. Иван стоял на палубе землечерпалки и махал другу бескозыркой.

Крейсер ушел, а землечерпалка осталась: не ходок она по морю...

Г. Гусев

ВЗГЛЯНИ В ИЛЛЮМИНАТОР: ВИДНО ДНО!

Наш корреспондент встретился с начальником лаборатории подводных исследований Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии **Марленом Павловичем АРОНОВЫМ**

— Марлен Павлович! Мы знаем, что вы — ученый, кандидат биологических наук. А вот моряком вы себя считаете?

— Никогда не задавался таким вопросом. Я биолог, изучаю жизнь и особенности морских животных. Много лет работал над темой: органы чувств у рыб. Вопрос не простой: ведь рыбы, лишенные зрения, уверенно плавают и поедают корм.

— Есть даже такая книга «История слепого кашалота».

— Вот-вот. Но, во-первых, кашалот не рыба, а зверь, зубатый кит. Но общее в этой истории у рыб и кашалота то, что слепой кашалот тоже прекрасно плавал в океане и был упитанным... Значит, во всех случаях обитатели моря использовали для ориентировки вместо зрения другие органы: китообразные — эхолокацию, рыбы — боковую линию...

— Чтобы изучать рыб, вам приходится плавать на кораблях?

— Все время. На научно-исследовательских судах. Я плавал на подводной лодке «Северянка», на «Тинро-2», на «Севере-2».

— Какое ощущение у человека, когда он плывет на большой глубине в таком аппарате?

— Аппарат глубоководный, по сути дела, маленькая подлодка. В нем два человека — пилот и наблюдатель. Управление — с помощью электромоторов. Обзор — прекрасный: рыбы, кораллы, подводные растения. Есть манипулятор — механическая рука. Ею можно поднять со дна камень, срезать губку, взять пробу ила. Что ощущаешь, видя перед собой океанское дно? Первый раз волнуешься, потом — привыкаешь.

— Часто приходится уходить в экспедиции?

— Каждый год. Как правило, месяцев на четыре-пять.

— Ну как же вы не моряк! Моряк!

Беседу записал Ю. СТУДЕНЦОВ

ОТ РЕДАКЦИИ:

«История слепого кашалота» — книга, действительно, очень интересная. Ее написал А. Томилин. Издана она в Москве. В книге рассказывается не только о кашалотах, но и о дельфинах и вообще о китах. Советуем прочитать!

АВТОМОБИЛЬ НА ПАЛУБЕ

На самых больших судах — танкерах длина палубы больше полукилометра! Попробуй-ка пробеги с носа на корму раз пяток! Вот и стали моряки брать с собой в рейс... автомобили! Небольшие и очень маневренные. Выслушает матрос боцмана, сядет в автомобиль и покатит на нос, якорь к отдаче готовить. Кстати, якорь у такого танкера — несколько десятков тонн.

ТРАКТОР В ТРЮМЕ

Было время, суда загружали вручную. Мешки и ящики в трюме грузчики-докеры тоже передвигали вручную. Сейчас у иного судна трюм — в футбол играть можно. Как тут ящик из конца в конец передвинуть? Нашли выход. В трюм опускают небольшой трактор. Заурчит трактор, покатится, поволокет ящик. А кто управляет им? Тракторист? Нет — докер...

Уголок морских Знатоков

Однажды к капитану Быстроходову и боцману Румпелю в музее подошел человек, и, глядя на витрину с морскими животными, сказал:

— А ведь, знаете, я тоже водолаз. Помню, опустился раз на дно Черного моря. Глубина — триста метров! Жизнь кипит! Ползают морские звезды, крабы шевелят усами. Подплывает ко мне осьминог...

— Стоп! — сказал капитан Быстроходов. — С нас достаточно. В Черном море вы на дно не опускались. И вообще — водолаз ли вы?

Что насторожило Быстроходова в рассказе незнакомца?

ЕСЛИ БЫ МЫ ЖИЛИ РЯДОМ

Я позвонил ему из телефонной будки, и мы договорились встретиться у метро.

Он подошел ко мне, катя рядом с собой большой дорожный велосипед. Кругом была Москва, мчались по широкому проспекту машины.

— Не страшно на велосипеде? — удивился я. — Здесь и улицу-то перейти трудно.

— Это же очень просто, — успокоил меня он, — в метре от тротуара полный вакуум, едешь будто по пустынной дороге.

И я подумал: а ведь и правда! И еще подумал: как это здорово он умеет понять из жизни такие простые, казалось бы, вещи.

Это мой старый друг, писатель Сергей Иванов. Мы знаем друг друга десять лет, потому я и сказал — «старый», а вообще-то, незнакомые, когда обращаются к нему на улице, называют его молодым человеком. Трудно дружить, если один из нас живет в Москве, а другой — в Ленинграде. Хорошо, если мы видимся хотя бы раз в году. Да еще я читаю его рассказы, или главы из повестей, или очерки — когда в «Пионере», когда в «Костре»— и хотя понимаю, что написаны они для всех, кто прочтет, душе моей становится теплее, радостнее — на секунду мне кажется, что это только для меня написано — это мне такой привет, доброе слово напечатал друг.

Мы были еще мало знакомы, когда в 1973 году я прочитал его первую книгу «Хлеб и снег» и сразу полюбил ее. Многие рассказы из этой книги я часто перечитываю и сейчас. Например, рассказ «Лето я провела хорошо» — с него начинается книга.

Как-то раз я сказал Иванову, что это один из лучших рассказов про собаку в современной литературе. Он мягко улыбнулся в ответ. Может быть, он улыбнулся моей наивности. Потому что, хотя главное действующее лицо в рассказе — собака, сам рассказ, конечно же, намного шире. Живет на берегу большого северного озера собака Жучка. Хозяин ее — рыбак, а живется собаке у него плохо, не особенно-то они дружат друг с другом. Потом Жучку переманивает городская девочка, приехавшая к бабушке на лето, даже имя ей дает другое — Хвостик. А потом девочка уезжает... Собака снова становится Жучкой.

Но это — только внешний сюжет. Как, скажем, идешь ты из школы, на тебя смотрят прохожие и думают: ничего особенного не происходит — школьница или школьник идет домой. А в тебе, внутри, как раз и происходит все особенное, твое: твои большие радости, или наоборот, боль и несчастье, или страх, или стыд. А прохожие не догадываются. Разве что кто-нибудь сумеет заглянуть внутрь твоего мира. Но это почти невозможно. Внутрь рассказа заглянуть проще — надо лишь уметь внимательно читать. И тогда ты почувствуешь в том рассказе отчаяние от измены, счастье настоящей дружбы, горе от потери друга, а главное — услышишь, как в человеке прорастает его душа. Тот, кто умеет чувствовать свою душу и души других людей, близких и далеких — тот человек счастливый.

Все, что я рассказал, было предисловием, а теперь о самом Сергее Иванове.

В детстве мой друг жил в деревне недалеко от Москвы. Хотя деревню ту сегодня найти на карте трудно— она слилась с городом, все же память о ней останется навсегда, благодаря стихам знаменитого поэта Маяковского: «Поселок Пушкино горбил Акуловой горою, а низ горы — деревней был, кривился крыш горою». В той самой деревне жил Сергей Иванов. И теперь, если надо описать далекие леса, поля и озера, писателю помогают его родной деревенский лес, родное поле и озеро. В детстве он любил сочинять стихи и различные истории, а с восьмого класса стал их записывать и складывать в письменный стол.

После школы поступил в институт, а после института поехал учить детей в Псковскую область. Школа была особая— для детей с нарушением речи. То есть все ученики хотя бы немного заикались. Когда же они узнали, что новый учитель русского языка тоже слегка заикается, они полюбили его больше всех других учителей.

А потом он переехал в Москву.

Здесь посмотрел однажды писатель Феликс Лев рассказы, которые уже много лет писал для себя и прятал в письменном столе Сергей Иванов, и удивился:

— Да здесь же готовая книга!

И отнес рассказы в издательство к редактору Лидии Иосифовне Доукше. Лидия Иоси-

фовна — редактор опытный, она выпустила много хороших книг для детей. И когда она прочитала рассказы Сергея Иванова, сразу послала ему письмо, пригласила в издательство.

А через несколько лет вышла книга «Хлеб и снег», о которой я уже говорил.

Есть у Сергея Иванова тоненькая книжка рассказов «Буренка, Ягодка, Красотка». Ее он написал так: поехал от журнала «Пионер» в командировку, встретился на обратном пути с пастухом. И пастух — старый дед с седой бородой — пригласил писателя к себе подпаском. Писатель с радостью согласился, месяц пас коров — работал у пастуха помощником. И, может быть, поэтому в рассказах тех чувствуется особенная любовь и нежность к коровам, даже имена у них ласковые, и чувствуется понимание их жизни, а также и жизни мудрого старого пастуха.

В книгах своих Сергей Иванов относится к читателям необыкновенно бережно. У него часто можно встретить фразы, похожие на такую: «Мне не хочется рассказывать долго о том, что так неприятно...»

Однажды мы обсуждали вместе, как улучшить один его рассказ, и я посоветовал вместо конца хорошего, но неправдоподобного, написать жестокий, несчастливый. Неожиданно мой друг нахмурился и сказал:

— Нет, жестокий конец я не сделаю. Писатель не может увеличивать количество несчастья в мире.

Почти каждый год выходят у Сергея Иванова новые книги. Особенно я люблю две из них: «Ольга Яковлева» и «Бывший Булка и его дочь». Главы из этих книг печатались в журнале «Костер», и я радуюсь, что был их редактором.

На первых страницах тех книг сказано, что это — повести. А я бы назвал их романами. Настоящими романами для школьников. В них, как в большой музыке, много тем, мотивов и голосов. И каждый голос поет свою песню — песню о радости и несчастье, песню о надежде и разочаровании, о страхе перед смертью и человеческом мужестве. Герои их могут учиться во втором классе и в шестом, они могут быть взрослыми и стариками, и все они соединены писателем в единую общую жизнь, трудную, иногда даже мучительную, но прекрасную. Когда читаешь эти книги — узнаешь в героях себя, своих знакомых, а такое происходит только при чтении по-настоящему талантливых, умных и искренних книг. Я не буду их пересказывать, да это и невозможно, лучше — прочитайте их сами.

«Ольгу Яковлеву» знают уже школьники в разных странах — книгу перевели на многие языки.

Каждый день Сергей Иванов бегает — бегает по нескольку километров. А в день своего сорокалетия — пробежал 25 километров. Когда я удивился этому, он сказал:

— Да это же очень хорошо, я уверен, если бы мы жили рядом, ты бы тоже со мной стал бегать.

И я подумал: «Если бы с ним, то стал».

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Недавно я получила грустное письмо: *«...Когда я смотрю в зеркало, я очень расстраиваюсь. Уши торчат, как у мальчишки, волосы — сосульки. Так хочется быть красивой...»* Я спросила модельера-парикмахера Валентину Яковлевну Викулину: «Можно помочь этой девочке?» Она сказала:

— Я думаю, можно. Девочка не умеет следить за волосами. Уверена, что правильно причесанная головка сделает ее симпатичной.

Вот что посоветовала Валентина Яковлевна.

Мой голову раз в неделю. Для мытья волос хорошо «Детское» мыло, если волосы жирные — «Хозяйственное». Чтобы волосы блестели, полощи их отваром крапивы. Светлые волосы — отваром ромашки.

Никогда не суши волосы над электроприборами и газовой плитой. Это не только вредно для волос, но и опасно для жизни. Не ложись спать с мокрыми волосами — прическа твоя потеряет форму. Волосы должны, высыхая, принять естественное положение.

Очень важно уметь хорошо причесываться. Носи прическу по возрасту! Прическа, которая сделает красивой взрослую женщину, тебя может сделать смешной.

Прическа может скрыть недостатки лица, а может и подчеркнуть их. Очень большой или маленький лоб хорошо прикрыть челкой. Та же челка может испортить лицо с красивым открытым лбом, лишить лицо индивидуальности. Торчат уши — прикрой их распущенными волосами.

Не спеши расстаться с длинными волосами, даже если мама разрешает тебе постричься. Их можно красиво и разнообразно причесать. Посмотри на рисунки — эти прически можно сделать быстро и просто.

Не пользуйся для стягивания волос аптечными резинками. Они придают неопрятный вид и портят волосы. Если же ты считаешь, что выросла из того возраста, когда носят банты — пользуйся нарядной тесьмой. Красиво, когда девочки вплетают тесьму в косу прямо от основания и завязывают ее на узелок или бантик. Не забудь про фигурные заколки, которые продают в магазинах.

МАША ОТВЕЧАЕТ

— Мой утюг не гладит, прилипает к белью, я скребу его ножом, но это не помогает...

Оксана Щурова,
Краматорск Донецкой области

— Если подошва утюга стала шершавой, заржавела или покрылась пятнами, потри ее тонкой наждачной бумагой, потом куском свечи, завязанным в чистую тряпочку, и тщательно вытри.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

СТАНУ ЧЕМПИОНКОЙ

На соревновании «Кузнечика» Инга Олейник ехала из далекого сибирского города Новокузнецка. Инга мечтала победить, но в дороге простудилась и выступать в финале не смогла. Сидела на трибуне, чуть не плача, и смотрела как мальчишки и девчонки соревнуются в беге и прыжках.

К Инге подошел тренер «Кузнечика» Иван Ильич Гребенщиков.

— Не расстраивайся, — успокоил он Ингу. — Выздоровеешь и пробежишь быстрее всех.

И действительно скоро она стала побеждать сверстниц и в беге, и в прыжках. Даже копье научилась далеко метать.

Через год Инга Олейник стала чемпионкой города в многоборье. На первенстве страны по семиборью среди девочек, которое проходило прошлым летом, Инга лидировала до предпоследнего вида. Но когда почувствовала, что победа близка, вдруг разволновалась, стала допускать ошибки и в итоге заняла только четвертое место.

— Ничего, — сказал Иван Ильич после соревнований. — Ведь ты уже знаешь, как относиться к неудачам.

— Я буду много-много тренироваться и в следующий раз постараюсь стать чемпионкой, — ответила Инга.

Здравствуй, „Кузнечик"!

Зимы у нас снежные, поэтому многие мальчишки и девчонки увлекаются лыжами. Недавно я выиграла на школьных соревнованиях в беге на три километра. Все очень удивились моей победе. Но я-то знаю причину. Ведь после прыжков и кроссов ноги стали сильнее и выносливее. Летом я гостила у бабушки в деревне, времени свободного было много — вот и тренировалась.

После лыжной гонки рассказала товарищам о своих тренировках в «Кузнечике». Теперь и они хотят записаться в наш клуб.

Лена Васильева,
Новосибирск

Я по-настоящему полюбила спорт только в прошлом году, когда смотрела по телевизору соревнования Московской олимпиады. У нашего соседа очень много интересных книг о спорте, и он с удовольствием дал мне почитать одну из них. Оказалось, что древние греки очень уважали хороших бегунов. На своих вазах мастера часто рисовали бегущих олимпийцев. Теперь я решила заниматься бегом, и в своих тренировках стану придерживаться советов «Кузнечика».

Маша Пинегина,
Ленинград

Каждое утро встаю раньше всех, тепло одеваюсь и бегаю кросс. Правда, бегать приходится в валенках, потому что в кедах ноги все-таки мерзнут. После кросса делаю прыжковые упражнения по снегу. В школу прихожу бодрой, веселой. Раньше часто болела ангиной, а теперь совсем перестала простужаться.

Мила Андропова,
Приморский край

ПЕРВАЯ МЕДАЛЬ

В далекую Австралию, где в ноябре 1956 года проходили Олимпийские игры, Игорь Кашкаров приехал, имея в своем активе прыжок на 210 сантиметров. С таким результатом можно было рассчитывать на медаль. Прыжки в высоту считались традиционно сильным, почти всегда победным для американских легкоатлетов видом. И, конечно же, никто из западных специалистов не верил в успех советского спортсмена — крепко сложенного, похожего скорее на тяжелоатлета. «Русский увалень», — приблизительно такие прозвища давали Кашкарову спортивные репортеры крупнейших австралийских газет. Но «увалень» мог толкнуть штангу весом в 145 килограмм, а в скорости посоревноваться и со спринтерами.

Целых восемь часов шла борьба в секторе для прыжков в высоту. Выделялись американские прыгуны и среди них тогдашний рекордсмен мира Чарльз Дюмас. Громкими аплодисментами приветствовали болельщики каждый прыжок австралийца Портера. «В секторе Дюмаса будет ждать сюрприз»,— заявил австралиец накануне. Но постепенно и зрители и участники прыжков стали обращать внимание на парня необычной для прыгуна комплекции, с четырьмя буквами на тренировочном костюме — СССР. Советский спортсмен брал все высоты с первой попытки, демонстрировал отличную технику. Чтобы не волноваться, опытный Дюмас после каждого прыжка стал заворачиваться в одеяло, старался задремать.

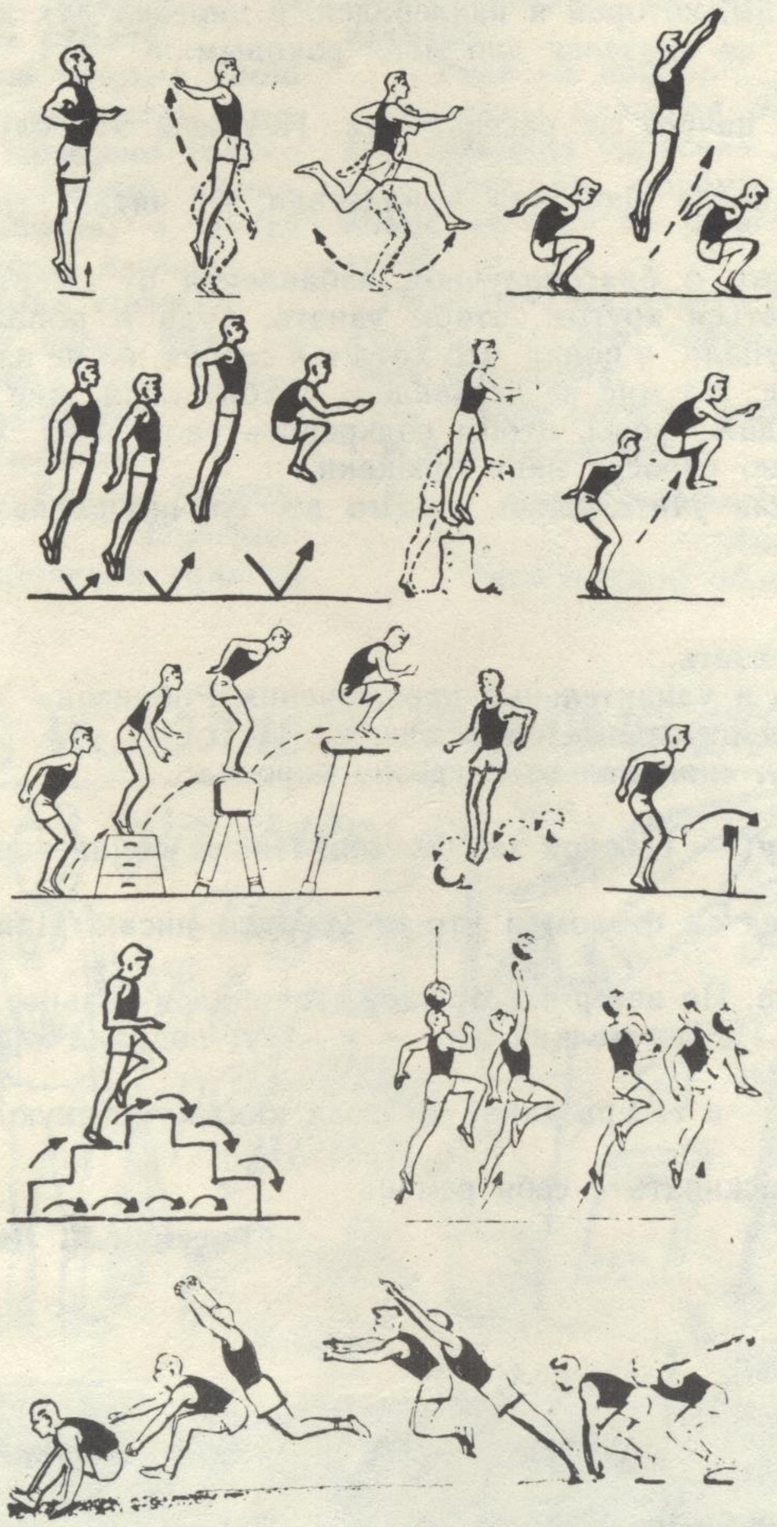
Покрытие тогда на стадионе было не синтетическое, а гаревое, и к последним попыткам сектор в месте отталкивания совсем разбили. Игоря это очень беспокоило, и вместо того, чтобы отдыхать, как Дюмас, он ходил по сектору, делал подскоки, разминочные упражнения, расходовал нервную и физическую энергию. Ведь советские спортсмены не имели большого опыта участия в Олим-

пийских соревнованиях.

Судьи поднимают планку на высоту 208 сантиметров. Под дружные аплодисменты Игорь Кашкаров берет 208! Но и Портер и Дюмас справляются с этой высотой. Зато прыжки других соперников неудачны. Олимпийская медаль уже, можно сказать, в кармане, но Игорь думает о победе. В одной из попыток на высоте 210, когда он был близок к успеху, трибуны замерли, но планка все-таки упала. С результатом 210 победил Дюмас, а Игорь остался третьим. «Неужели русские могут прыгать наравне с американцами?» — с удивлением спрашивали друг друга знатоки легкой атлетики.

Опыт Мельбурна не прошел для советских прыгунов даром. Через год Юрий Степанов бьет рекорд Дюмаса, а еще через три в Риме Роберт Шавлакадзе и Валерий Брумель завоевывают первые две ступеньки олимпийского пьедестала.

В. РЕКШАН

ТРЕНИРОВКА

Ведет заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, главный тренер СК «Кузнечик» Эдмунд Исидорович РОХЛИН

О БЫСТРОТЕ

Что значит быстрота в легкой атлетике?

Разберем такой пример. Один бегун на короткие дистанции за секунду делает четыре с половиной беговых шага, а другой за то же время лишь четыре шага. Первый бегун чаще переставляет ноги, чем второй, и обладает, таким образом, большей быстротой, чем второй.

Но ведь победа в беге дается не тому, кто чаще перебирает ногами, а тому, кто затрачивает меньше времени на пробегание дистанции.

Допустим, что в нашем примере длина бегового шага первого бегуна оказалась 1,80 м, а второго — 2,20 м. Легко подсчитать, что второй бегун скоро окажется впереди и в беге, к примеру, на тридцать метров «с хода» зафиксирует результат 3,4 сек, выиграв у первого бегуна целых 0,3 секунды.

Значит, в беге самым быстрым является не тот, кто чаще переставляет ноги, а тот, кто развивает наибольшую скорость продвижения своего тела.

Легкоатлет должен работать не просто над развитием быстроты своих движений, но и должен учитывать, чтобы эти движения были правильными, приносили наилучший спортивный результат. Так, бегун должен добиваться не просто большой частоты шагов, но и стараться, чтобы эти шаги были длинными. А это зависит, в основном, от правильного выполнения толчка — его скорости и направления. Быстрота легкоатлета зависит как от его силы и скорости, так и от той спортивной техники, которой он владеет, которая, в свою очередь, зависит от гибкости, от умения выполнять движения свободно, не напрягаясь, с ускорением. Перед упражнениями, развивающими быстроту, надо хорошо размяться — согреть мышцы, подготовить их к работе.

Те упражнения, которые мы предлагаем, годятся и для прыгунов. На каждое тренировочное занятие выбери 5—6 различных, выполняя каждое до появления утомления и затем, после 1—2 минут отдыха, повтори снова. И так 4—5 раз. Между сериями проделай маховые движения, расслабляй мышцы.

Хорошо, если в течение дня ты найдешь время, хотя бы в перерыве между уроками, проделать простейшие из упражнений. Например, прыжки на месте на двух ногах. Тридцать прыжков, отдых, снова тридцать прыжков. И так 4—5 раз. Когда поднимаешься по ступенькам лестницы, ставь ногу на переднюю часть стопы и выталкивайся вверх.

Так, если на тренировочном занятии ты выполнишь 250—300 прыжковых упражнений и устанешь, то в течение дня вроде бы и незаметно, ты сможешь выполнить 1000—1200 прыжковых движений. А для развития быстроты в отталкивании это очень важно.

Упражнения, развивающие быстроту, должны быть по характеру такими же, как и при беге и прыжке — широкими, до полного выпрямления в суставах, максимально быстрые к концу.

Как я сочинял стихи

Я по улице иду,
Сочиняю на ходу.

Все беру в стихи, что вижу:
Кошку, клевер, куст ольхи.
Подходи, козел, поближе —
Попадешь в мои стихи!

А, бежишь!..
Ну-ну, не очень!..
И рога зачем вперед?
Вот дурной какой!
Ну... хочешь —
Подарю тебе блокнот?
Вот пристал козел упрямый!
И рога наперевес!
Нарушает этот самый...
Этот... творческий процесс.

Убегаю!
Удираю!
Ничего не сочиняю.
Прямо в куст лечу крапивный!
Дальше — прямо в лопухи!
Вот козел какой противный —
Взял испортил мне стихи!..

В. СУСЛОВ

Л. КАМИНСКИЙ

Удивительные приключения Вити Брюквина

— Здравствуйте, Людмила Аркадьевна. Я — папа Вити Брюквина. Вы меня вызывали?

— Вызывала. Садитесь, пожалуйста!

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего страшного. Вот почитайте, пожалуйста. — Учительница достала из портфеля тетрадь, раскрыла ее и положила перед Витиным папой. — Это сочинение вашего сына: «Как я отдыхал летом».

— А что? — удивился папа. — Вроде аккуратно, без помарок...

— Нет, вы почитайте. Вот отсюда.

— «...Ничем не выразить смятения, овладевшего мною, когда я погрузился в воду. Я хорошо плаваю, но я не мог сразу вынырнуть на поверхность и чуть не задохся. Лишь когда подхватившая меня волна, пронеся изрядное расстояние по направлению к берегу, разбилась и отхлынула назад, оставив меня почти на суше полумертвым от воды, которой я нахлебался, я перевел дух и опомнился... Последний вал едва не оказался для меня роковым...»

Папа Брюквин побледнел.

— Какой ужас! Он мне ничего не рассказывал. Неужели это случилось в пионерлагере?

— Не волнуйтесь, — сказала Людмила Аркадьевна, — читайте дальше. Вот здесь.

— «...Утешившись мыслями о благополучном избавлении от смертельной опасности, я стал осматриваться кругом, чтобы узнать, куда я попал. Мое радостное настроение разом упало: я понял, что хотя я и спасен, но не избавлен от дальнейших ужасов и бед. На мне не оставалось сухой нитки, мне нечего было есть, у меня не было даже воды, чтобы подкрепить свои силы...»

— Что это? — ошарашенно спросил папа Брюквин.

— Успокойтесь, — сказала учительница. — Это все случилось не с ним. Он все списал.

— Списал?

— Да. У Даниэля Дефо.

— У кого? Вы хотите сказать...

— Да. Из книги «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

— Ну, я ему покажу «удивительные приключения»!

...Папа вошел в квартиру, снял пальто и грозно спросил:

— Где Виктор?

— Тише, — сказала мама, — ребенок занимается! Пишет сочинение: «Как я провел зимние каникулы».

Витя, действительно, сидел за столом и что-то усердно писал. Папа взял у него тетрадь и прочел:

«...Лошади бежали дружно. Но ветер час от часу становился сильнее. Облако обратилось в белую тучу. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл: сделалась метель...»

— Так, — сказал папа, — а теперь давай-ка сюда книжку! Какую? Пушкина. «Капитанскую дочку»!

И папа Брюквин стал стаскивать с себя ремень.

Рисунки К. Леонидова

ПРО ШКАПИНА ГРИГОРИЯ (вторая история)

Рисунки К. Кюфа

КОНКУРС • КОНКУРС • КОНКУРС • КОНКУРС

„И все засмеялись!“

Учительница раздала ученикам тетради по русскому языку. Ребята с нетерпением стали их листать, чтобы увидеть, какую отметку они получили за контрольную работу.

Саша тоже открыл свою тетрадь, где на чистой странице было написано только одно предложение: «Контрольная работа», а внизу стояла большая двойка.

Саша громко спросил:

— За что пара? Ведь ни одной ошибки нет: «Контроль-ная ра-бо-та!»

И все засмеялись.

Саша Титов,
Болотное Новосибирской области

Когда учительница спрашивала Петю: «Почему ты не выучил стихотворение?», «Почему ты не написал сочинение?», «Почему не решил задачу?», он обычно отвечал:

— Руки не дошли.

Однажды классная руководительница спросила его:

— Петя, а почему ты вчера не был на физкультуре?

Петя пытался что-то придумать, но его опередила Лена Федотова:

— У него ноги не дошли!

И все засмеялись!

Галя Корабельникова,
Ангрен Ташкентской области

На уроке литературы к доске вышел длинный Гаврилов. Он громко объявил:

— Пушкин. Отрывок из поэмы «Руслан и Людмила».

Потом откашлялся и стал читать с выражением:

— *...Выходит вон. Ногами стиснул*
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул,
«Отец мой, не оставь меня!»
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит во след:
«Мария Николаевна, я дальше не учил!»

И все засмеялись!

Ира Цаппа,
Москва

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

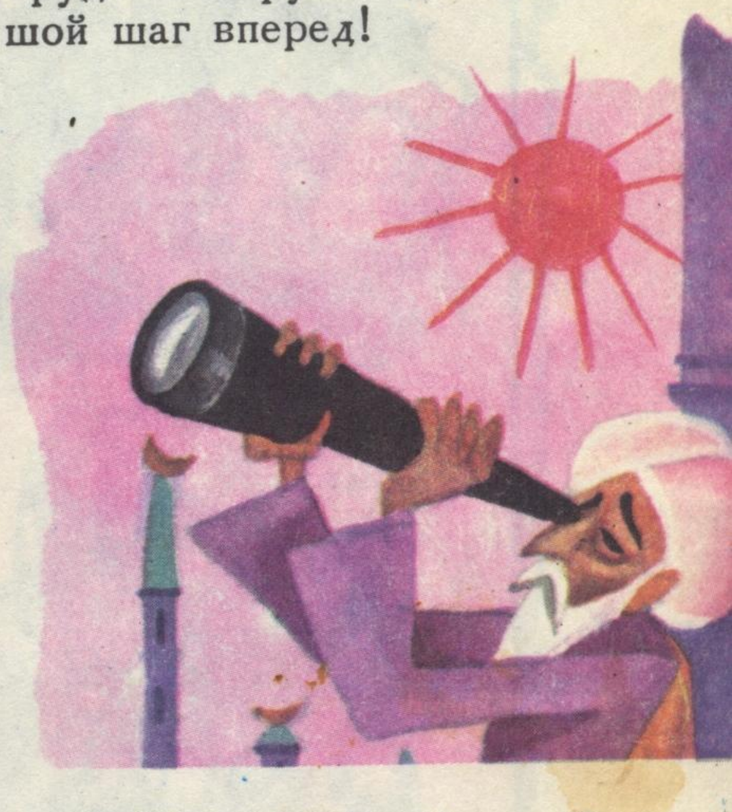
Отрывки из сочинений прислали: ***ВАДИМ КОТИК*** *(Южно-Уральск)*, ***СВЕТА БЫЧКОВА*** *(Ростов Великий)*, ***ЖЕНЯ СУМКИН*** *(Печора)*, ***НАДЯ ПОПОВА*** *(пос. Кондинское, Тюменской обл.)*, ***СЕРЕЖА ЕРЕМЯН*** *(Ростов)*.

Рисунок
Ю. Беломлинской

ОДНАЖДЫ султану Махмуду пришла в голову мысль, что его подданные, совершая молитвы — а их надо выполнять стоя лицом к священному городу Мекке, — делают это, не задумываясь о точности направления. Он приказал ученому Бируни определить нужный азимут. Ученый занялся наблюдениями Солнца и рассчитал искомое направление с точностью до десятых долей градуса.

Неизвестно, улучшилось ли качество молитв, но астрономия трудами Бируни сделала большой шаг вперед!

ИМПЕРАТОР Карл Великий много воевал и прекрасно представлял себе ценность географических карт. Но в походах он обходился всего тремя: картой полушарий, картой города Рима и картой города Константинополя.

ЛАУРЕАТА Нобелевской премии Роберта Робинсона спросили:

— Почему вы так настаиваете на необходимости беречь чистоту воздуха? Ведь его на Земле так много!

— Увы! — ответил он. — Его запасы не возобновляются. Он только перемешивается. Когда Шекспир написал последнюю строчку „Гамлета“, он облегченно вздохнул. Так вот, когда вы делаете вдох, к вам в легкие каждый раз попадают две молекулы того воздуха, который выдохнул когда-то Шекспир.

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант
Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

Для юнармейца-разведчика одной из главных задач является умение наблюдать. Сначала наблюдатель выбирает ориентиры (столб, дерево, куст, курган и т. д.) и определяет для себя условные наименования местных предметов. Например: «высота двугорбая», «высота огурец», «роща фигурная», «лес темный».

Очень важно правильно выбрать место для наблюдения. Место должно быть таким, чтобы наблюдатель все видел и слышал, а сам оставался незамеченным. Не следует, например, располагаться близко от хорошо заметных местных предметов — отдельное дерево, заводская труба, перекресток дорог, мост. Но бывает так, что отдельный местный предмет очень хорош для наблюдения. Тогда нужно расположиться на его теневой стороне, чтобы фигура разведчика не проектировалась на фоне неба. В яме или канаве надо располагаться так, чтобы сзади был бугор (кочка, куст), на фоне которого голова наблюдателя незаметна. На рисунке несколько примеров правильного и неправильного выбора места для наблюдения.

правильно *неправильно* *правильно*

правильно *неправильно* *правильно*

неправильно *правильно* *неправильно*

УСЛОВНЫЕ СИГНАЛЫ

Каждому юнармейцу, участвующему в «Зарнице» необходимо знать несколько основных условных сигналов, которые подаются руками, а в ночное время фонарем.

Сигнал «Внимание!» — Поднять правую руку вверх и держать до отзыва. Фонарем с белым светом — серия точек.

Сигнал «Сбор командиров» — Поднять правую руку вверх и кружить ею над головой, а после резко опустить. Фонарем с белым светом размахивать над головой вправо и влево, описывая полукруг.

Сигнал «По местам!» — Поднять обе руки вверх и резко опустить вниз через стороны. Фонарем с белым светом размахивать по вертикали вверх и вниз.

Сигнал «Марш!» — Поднять правую руку вверх, повернуться в сторону движения и опустить руку в направлении движения на уровень плеча. Фонарем с зеленым светом размахивать по вертикали вверх и вниз.

Сигнал «Стой!» — Поднять левую руку вверх и быстро опустить перед собой вниз, повторяя до исполнения. Фонарем с красным светом размахивать по вертикали вверх и вниз.

Сигнал «Все кругом!» — Вытянуть левую руку горизонтально в сторону, а правую поднять вверх и кружить над головой. Фонарем с зеленым светом вращать впереди себя.

Сигнал «Авария!» — Вытянуть правую руку горизонтально в сторону, а левую поднять вверх и размахивать ею над головой вправо и влево. Фонарем с красным светом размахивать перед собой вправо и влево на уровне плеча.

Оформление Д. Дмитриева

Из истории военных сражений

«Войска сошлись на озере... было множество воинов с обеих сторон. Был тут с Александром брат его Андрей с множеством войска своего отца и было у Александра множество храбрых, сильных и мужественных воинов и наполнились они ратным духом; были сердца их как у львов. И они сказали: «Князь, пришло теперь время положить нам свои головы за тебя...» Немцы и чудь пробились клином через русские полки. И была тут страшная и большая сеча, был слышан треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзшее озеро точно тронулось и не видно было льда, потому что он был полит кровью».

Это отрывок из древней русской летописи. О каком сражении рассказал автор? Где произошло это сражение и как оно разворачивалось?

Русские шлемы

Русский ратник

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

ГЕНЕРАЛ — от латинского слова generalis — «общий», «главный». Означает воинское звание или чин высшего командного состава вооруженных сил. Впервые появилось во Франции в XVI веке. В Советской Армии с 1940 года введены следующие генеральские звания: *генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии* (для общевойсковых командиров).

АЛЫП

ОСЕТИНСКАЯ СКАЗКА

В одном ауле абреки[1] украли мальчика и продали его богатому князю. У князя мальчик стал пастухом, пас овец. Однажды мальчик поднял в степи конский череп и долго его рассматривал. А потом горько заплакал. Это увидел прохожий.

— Что ты, мальчик, плачешь? — спросил он. — Ведь это — всего лишь конский череп.

— Это череп алыпа[2], — ответил мальчик. — Вот почему я плачу.

Прохожий рассказал об этом князю. Князь позвал мальчика к себе.

— Ты узнал алыпа по черепу. А сможешь ли ты узнать живого алыпа? — спросил он.

— Смогу, — ответил мальчик.

Князь забрал мальчика в свой дом, стал воспитывать наравне со своими сыновьями.

— Ты должен найти мне алыпа, — часто говорил князь.

— Алыпов на земле очень мало. Алып — большая редкость, — отвечал мальчик. — Надо пересмотреть много табунов.

— Мы объедем с тобой все долины, все ущелья, все предгорья, мы осмотрим все табуны ближних и дальних земель, но найдем алыпа, — сказал князь.

Они собрались и отправились в путь. Долго они искали, много табунов пересмотрели и вот нашли одного вороного без единого светлого волоска. Мальчик говорит князю:

— Этого жеребца надо купить. Купить, сколько бы он ни стоил.

Князь купил. Через несколько недель мальчик увидел чистую вороную кобылицу с маленьким белым пятнышком на задней ноге. И ее посоветовал купить. Князь купил. Они вернулись домой. Князь думает: «Мне этот мальчик очень нужен, как бы он не убежал». И говорит мальчику:

— Я боюсь, что ты от меня сбежишь. Поклянись, что не сбежишь.

Мальчик говорит:

— Клянусь, что не сбегу. Я уйду от тебя лишь тогда, когда ты сам мне скажешь: «Уйди от меня!»

Князь успокоился и говорит:

— Я согласен с твоим условием. А теперь давай объезжать наших новых лошадей. Какая из них лучше?

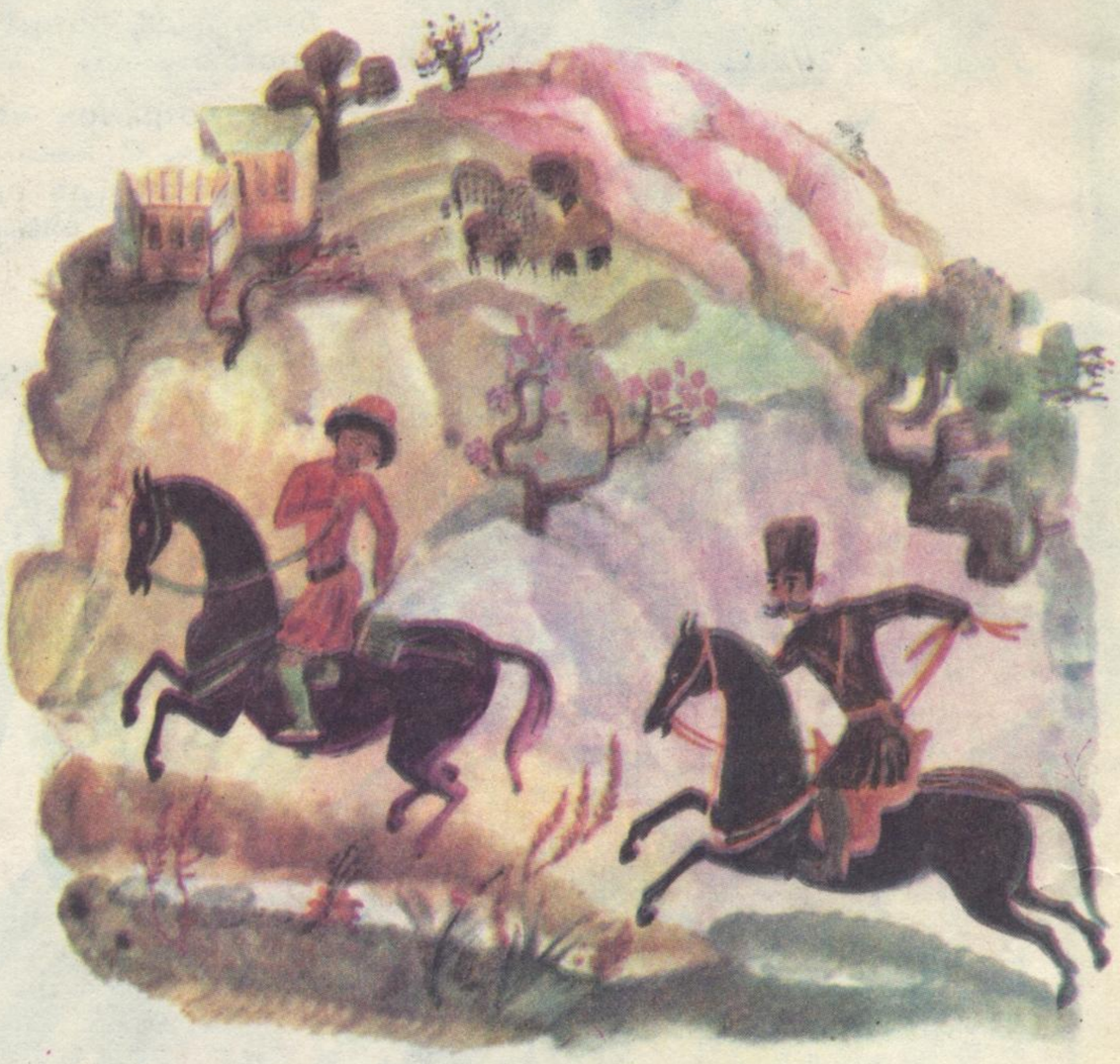
— Кобылица лучше, — говорит мальчик. — В ней видны все стати настоящего алыпа.

— Тогда я буду объезжать кобылицу, — говорит князь, — а ты — жеребца.

Они сели и поехали в долину. Там мальчик начал резвиться, джигитовать, налетать на князя, толкать его. Князю это надоело и он крикнул:

— Уйди от меня!

Тогда мальчик развернул коня и пустил его вскачь! Князь понял свою ошибку. Ведь он этими словами освободил мальчика от клятвы! Он погнался за мальчиком, но расстояние между лошадьми не уменьшалось. Долго они шли одинаково. Мальчик думает: «Ведь это в моем коне все стати алыпа, почему же я не могу оторваться, уйти?» И направил коня в сухое русло, они пошли по камням. Его конь идет так же неутомимо, а кобылица князя стала отставать. Вот когда сказалась слабость ее задних ног! Об этом говорило маленькое белое пятнышко. Князь увидел, что кобыла устала, и повернул назад.

А мальчик разыскал свой аул и привязал коня к коновязи возле сакли отца. Конь заржал.

— Наш сын вернулся, — сказал отец. По ржанью он понял, что это алып. А если алып, то на нем — сын, потому что тайну, как отличить алыпа, знала только их семья.

Отец вышел и обнял сына.

[1] Абреки — разбойники.

[2] Алып — сказочный неутомимый конь.

Пересказал Марк ВАТАГИН

Рисунок Е. Галеркиной

ЧЕМПИОНАТ-82

Состязание разведчиков АРЧЕБЕКА продолжается! Вот боевые задания третьего тура.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крg6, Ке7, Кh7; черные: Крh8, Кh5, п. h6.

Б. Белые: Крb8, Фh4, Сh7, пп. a2, d2, d4; черные: Крc4.

Цель разведки: и в А и в Б (Александр Гришин, с. Ермоловка) доказать черному королю, что ему будет мат в три хода.

Разъяснение обстановки: если в А король заявит, что мат двумя конями вообще не дается, возразите, что это лишь при отсутствии других фигур, а тут ему повредит собственная пешка.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: a3, b4, d2, d6, g1, g3; черные: b6, b8, c7, f6, g7, h8.

Б. Белые: c1, d2, e1, f4, g5, h6; черные: a3, b4, b6, d6, e7, f8.

Цель разведки: в обеих концовках (Б. Павлов, п. Волосово) найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки: применить главное шашечное оружие — комбинацию.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 27, 31, 34, 38, 39, 40, 50; черные: 12, 13, 20, 23, 24, 25, 35.

Б. Белые: 28, 31, 32, 37, 38, 40, 50; черные: 2, 13, 17, 22, 26, 30, 39.

Цель разведки: и в А и в Б (автор А и Б — Алексей Панкратьев, Ленинград) играя белыми, заставить противника сдаться.

Разъяснение обстановки: черные напали на шашки белых; пользуясь этим, нанесите решающий удар.

КОГО ОЖИДАЕТ НАГРАДА?

Шашки стоят так (Ю. Новиков, Москва) — белые: Д. c5, e7; черные: пр. b6, d4, d8, f6. Ход белых. Известно: 1) эта позиция возникла в игре, 2) партнеры играли плохо, но правил не нарушали. **Кто сумеет нарисовать положение без шашек под боем, из которого могла получиться приведенная забавная позиция? Пятеро будут награждены.**

„СКОРАЯ ПОМОЩЬ“ АРЧЕБЕКА

«С задачами на мат в 2 хода я уже справляюсь. А как решать задачи на мат в 3 хода? И как записать решение? Помогите!» — пишет Коля Быстров и еще некоторые.

— «Скорая», на выезд! — скомандовал Ферзьбери. И вот она здесь.

На диаграмме задача трехходовка (А. Максимовских, Курганская область) Как выполнить задание — «Дать мат в 3 хода»? Ведь черные всячески будут этому мешать!

После поисков и многих проб наталкиваемся на ход 1. Крb7. И с радостью убеждаемся, что при нем черным самим придется разрушить защиту:

если 1... Сb2, то 2. Лb3+!,
если 1... Кd2, то 2. Лd3+!,
если 1... Ла7+, то 2. Кр:a7, и в любом из этих (или других) вариантов третьим ходом дается мат. Решение готово!

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крc1, Лh8, п. h7; черные: Крc7, Лh4.

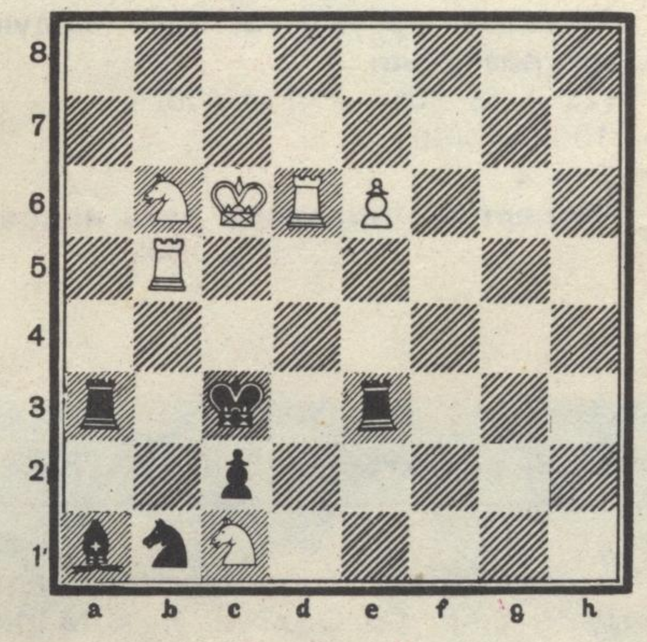
Чтобы победить, белым нужно либо превратить свою пешку в ферзя (но как шагнуть ею на восьмую линию? Ведь при уходе ладьи с h8, черная ладья побьет пешку), либо выиграть черную ладью (а как это сделать?)

И вот тебе приказ: найди за белых ход, который обеспечит им победу. Выполняй!

СКУПЫЕ СТРОКИ ДОКУМЕНТОВ

1. «Прошу зачислить меня в АРЧЕБЕК...» (из заявки Сережи Мальцева — ученика 5-го класса).

2. «Слава победителям турнира АРЧЕБЕКА! Вот они: **Сережа Мальцев...»** (из итогов соревнований арчебековцев, когда Сережа учился в 8-м классе, а также, когда в 9-м и в 10-м).

3. «В четвертом чемпионате СССР третье место и бронзовую медаль завоевал студент из Краснодара **Сергей Мальцев»** (из судейского отчета о последнем первенстве Советского Союза по шашечной композиции).

Итак, от первых шагов и успехов в АРЧЕБЕКЕ до восхождения на пьедестал в чемпионате СССР — таков путь Сергея Мальцева! Доблестные разведчики, кто следующий?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Лd6! **Б.** 1. Фd6! И убедись, что и в А и в Б, как бы черные ни ответили, они получат мат.

РШ. А. 1. g5! 2. gf2! 3. c3X. **Б.** 1. cd6! 2. dc7! 3. g3X.

МШ. А. 1. 28! 32 2. 29! 3. 40X. **Б.** 1. 50—44! 2. 48—43!X.

Все арчебековцы должны завести «Листок учета» и записывать туда свои очки: разведчики — по 5 очков за каждую верно решенную задачу Чемпионата, а начинающие — за задания для резерва.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты о выполнении заданий до 1 июня.

§ 2. Рапорты писать на открытках (почтовых карточках)!

§ 3. В рапорте должно быть только донесение о заданиях Чемпионата. Все другое писать и посылать отдельно.

§ 4. В левом верхнем углу указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

30 к.
Индекс 70445

ISSN
0130-2574

ЗАГАДКИ С ПЕЧАТЯМИ

Когда шхуна «Икс» приблизилась к острову Шарад, Разгадайка, боцман Дваждыдва, юнга Румбик, кок Чайнвордыч и кот Ангенс увидели севшую на мель старинную галеру. Путешественники отправились на корабль и обнаружили, что тот переполнен древнегреческими задачами.

— Как и сообщалось в записке, — сказал Разгадайка, — груз, действительно, ценный. Если даже половину задач мы возьмем с собой, да каждый из нас выберет себе любимую задачу, все равно четвертая часть их останется на галере.

Сколько всего было задач?

Разгадайка выбрал задачу из «Греческой антологии». Она начиналась с вопроса, заданного знаменитому Пифагору:

— Сколько учеников, о философ, посещают твою школу и слушают твои беседы?

— Вот сколько, — ответил Пифагор, — половина изучает математику, четверть — музыку, седьмая часть пребывает в молчании и, кроме того, есть еще три женщины.

Чайнвордычу понравилась задача, в которой рассказывалось о трех грациях, державших в руках одинаковое количество плодов. Каждая из граций отдала каждой из девяти муз одинаковое количество плодов. После этого у каждой из муз и каждой из граций стало по одинаковому числу плодов. Сколько было плодов у каждой из граций до встречи с музами?

А вот кот Ангенс увлекся задачей о семи кошках. Каждая из них съедала по семь мышей, а каждая мышь съедала по семь колосьев, которые в свою очередь содержали семь зерен. Спрашивалось, сколько зерен спасут кошки?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 2

Разгадайка в уме составил следующее уравнение:

$(2x + 5)\ 50 - 250 = 400$

$100x = 400$

$x = 4$

Четверг — четвертый день недели.

В записке зашифровано: «Наш корабль с ценным грузом сел на мель у острова Шарад». Следует читать лишь буквы русского алфавита.

Ошибка состояла в том, что после 31 января 1918 года сразу же наступило 14 февраля 1918 года в связи с переходом на новый стиль.

Ребус: один в поле не воин.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31918. Сдано в набор 04.12.81. Подписано к печати 04.02.82 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,7. Печать офсетная. Тираж 760 000 экз. Заказ 3693. Цена 30 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.